

Александр Красыпкин

КНЯЗЬ СВЯТОСЛАВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СЛОВО»

Александр Иванович Красницкий

Князь Святослав

Красницкий Александр Иванович — (1866–1917) — российский писатель, прозаик, журналист, стихотворец. Имел множество творческих псевдонимов, читателям больше известен как Александр Лавров. Вашему вниманию предлагается историческая повесть «Князь Святослав», которая подчеркивает достоинства великого князя Киевского — сына князя Игоря и княгини Ольги, вошедшего в историю как великий полководец и завоеватель. Погружая читателя в далекое прошлое автор увлекательно и живо описывает Великую победу Руси над хазарским Каганатом.

Содержание

ПРОЛОГ0005
1. ГДЕ ВЯТИЧИ?0008
2. АЛК ИЗ РОДА СТАРОГО СМЕДА0014
3. ЧЕРНАЯ СТРЕЛА0026
4. ЗЕЛЕНАЯ ВЕТКА МИРА0033
5. ЖИЗНЬ ЗА ЖИЗНЬ0045
6. ДРУЖИННОЕ БРАТСТВО0055
7. ДИКОЕ ПОЛЕ0065
8. ИТИЛЬ — ЖЕСТОКИЙ ГОРОД0076
9. ИДУ НА ВЫ!0086
10. ТРЕВОГИ ЦАРЯ ИОСИФА0101
11. БИТВА ПРИ ИТИЛЕ0112
12. ПОГОНЯ0128
13. МУДРОСТЬ ПОЛКОВОДЦА0146
14. ШТУРМ САРКЕЛА0158
15. ПОСЛЕДНЯЯ СТРЕЛА0172

А. И. Красницкий
КНЯЗЬ СВЯТОСЛАВ

ПРОЛОГ

Узенькое оконце пропускало в келью совсем немного света. Старик подслеповато щурился, с трудом разбирая выцветшие строчки. Совсем ветхой стала книга, давно пора бы перебелить ее на чистых листах пергамента[1], да все руки не доходили. Смутные наступили времена: то князья между собой воюют, то смерды бунтуют, то степняки набегают из Дикого Поля на порубежные деревни. Не случалось подобного при первых киевских князьях, Олеге Вещем и Игоре Старом. И при князе-витязе Святославе не было. Сам походами в дальние земли ходил, а на Руси было тихо. Древние сказания нынешним князьям как бы в укор, а кто укору любит? Давненько никто не заказывал списки со старой летописи. А тут вдруг счастье привалило: приехал в монастырь молодой переяславский князь Владимир Мономах, попросил для себя летопись с самого начала переписать. И смышленного отрока прислал, разумеющего книжную науку. Сам-то летописец дряхлым стал, пальцы дрожат, гусиное перо не слушается, а переписи-

сать книгу — труд великий.

Так и работали вдвоем. Летописец медленно диктовал, сверяясь со старым списком, а отрок проворно вычерчивал на пергаменте черные квадратные букочки, словно бусинки нанизывал на нитку.

За полтора месяца переписали всю старину, от сотворения мира до княгини Ольги. Сегодня о князе Святославе рассказ.

— «Когда князь Святослав вырос и возмужал, — нараспев читал старец, стал он собирать много воинов храбрых. И легко ходил в походах, как пардус[2], и много воевал. В походах же не возил за собой ни возов, ни котлов, не варил мяса, но, тонко порезав конину, или зверину, или говядину и зажарив на углях, так и ел. Не имел он и шатра, но спал, подстелив потник, с седлом в головах. Таковыми же были и все прочие воины его. И посылал в иные земли со словами: „Иду на вы!“».

Отрок положил гусиное перо, пошевелил занемевшими пальцами.

— Пиши, пиши, — несердито поторопил старик, — зимний день короток!

— Пишу, отче!

— «В лето шесть тысяч четыреста семьдесят третье[3] пошел Святослав в землю вятичей и спросил: „Кому дань даете?“ И сказали вятичи: „Хазарам...“».

Летописец замолчал, пододвинул книгу ближе к свету.

— Что еще писать о земле вятичей? — поднял голову отрок.

— Ничего больше в старом списке нет, и ты не пиши, — помедлив ответил летописец. — Но старики вспоминали, что будто так было...

1. ГДЕ ВЯТИЧИ?

Великими лесами покрыта земля вятичей. Тянулись вятчские леса от Оки-реки до самой Волги.

И за Волгой тоже были леса, но обитали там люди уже не славянского племени. А вятичи были славянами, хоть не признавали власти киевского князя и жили от других славянских племен как бы отдельно.

И дальше бы они так жили, но в 964 году князь Святослав начал свой поход на восток. Ладьи княжеского войска поплыли по Оке, великой реке вятичей.

Тянулись по берегам нескончаемые леса. Медно-красные сосны над песчаными обрывами, как воины в строю. Ветер тревожно гудел в ветвях, швырял в светлую окскую воду сосновые шишки.

Вечерами на берег выходили медведи. Вытягивая лобастые головы, смотрели на ладьи и прятались в кустах, напуганные ревом боевых труб и плеском множества весел.

Проносились над водой громкоголосые птичьи стаи.

В омутах плескалась богатырская рыба-сом.

Кабаны проворно перебежали зеленые лужайки.

Земля вятичей щедро являла путникам свои богатства, обилие зверя, птицы и рыбы. Не видно было только людей, населявших ее. Избы на берегу стояли пустыми, рыбачьи челны унесены в овраги и укрыты под кучами хвороста. Дороги, ведущие в глубь леса, перегородены завалами из подрубленных деревьев. Наверно, вятичи не ждали добра от княжеского войска и спрятались в укромных местах. Но они были где-то близко: над лесом то и дело поднимались столбы черного дыма, предупреждая об опасности.

Легкие сторожевые ладьи, далеко опередив большие суда, крались возле самого берега, сворачивали в устья речек и ручьев, останавливались у пустых деревень. Дозорные ратники взбирались на высокие деревья и подолгу обозревали окрестности. Возвращаясь к княжеской ладье, они виновато разводили руками:

— Нет людей, княже!

Святослав недовольно хмурил брови. Задумано великое дело, поставить под власть Киева обширную и многолюдную землю вятичей, чтобы они, сообщая с другими славянскими племенами, крепили державу и давали отпор врагам. А врагов у Руси было много. Из Дикого Поля нападали кочевники-печенеги, разбойничали на границе. Хазары оседлали устье великой реки Волги, мешали русской торговле с восточными странами. А за теплым морем притаились коварные византийцы, их император мечтал поставить Русь под свою руку. Пришло время показать им силу Руси!

Могучее войско двигалось за князем Святославом, и не было силы, способной ему противостать. Но непонятное исчезновение вятичей нарушало замыслы князя. Кого здесь побеждать? Медведей, что ли?

Князь Святослав был молод, но давно уже познал строгие законы войны. Первый свой поход он совершил трехлетним мальчиком. Лесные жители-древляне убили его отца, киевского князя Игоря Старого, и единственный сын должен был мстить.

На широкой поляне сошлись два войска — киевское и древлянское. По обычаю, сражение начинал князь, и маленький Святослав метнул копьё. Копьё упало на землю возле самых ног коня, потому что непосильно тяжёлым оказалось для мальчика боевое оружие, но воеводы закричали:

— Князь начал битву! Последуем, дружина, за князем!

И ринулись вперед отважные киевские дружинники и победили древлян, и восславили киевляне нового воителя за землю русскую — князя Святослава Игоревича...

Много было потом сражений и походов. Все легче и легче казалось князю Святославу боевое копьё. Уже не находилось храбрецов, которые осмелились бы выйти против него на поединок. Седобородые воеводы со вниманием слушали советы молодого предводителя, признавая его воинскую мудрость. Имени князя Святослава стали бояться враги. Он совершал с дружиной стремительные переходы, неожиданно обрушивался на врага и неизменно побеждал.

Но нынешний поход начинался неудачно,

вятичи уклонялись от встречи. Снова и снова князь Святослав посылал вперед сторожевые ладьи:

— Возьмите языка! Узнайте, где искать вятичских старейшин!

Но вятичи будто растворились в своих немеренных лесах.

Вечерами, собираясь на берегу возле костров и прислушиваясь к таинственным шорохам леса, воины шептались о неуловимых лесных жителях, которые будто бы умеют превращаться в диких зверей.

«Может медведи, которые выходили к реке, и есть заколдованные вятичи? Надо принести жертвы Перуну[4], чтобы он расколдовал лесных людей и отдал нам в руки!»

Старый воевода Свенельд, служивший и отцу Святослава — князю Игорю, и матери его — княгине Ольге, посоветовал высадить на берег конную дружину и углубиться в лес. Как видно, вятичи без сожаления покидают свои деревни, но есть у них священные места — капища, где стоят деревянные идолы. Вятичи весьма почитают идолов и не отдадут их без боя. Важно только найти такое капи-

ще, вятичи сами сбегутся отовсюду, чтобы защитить своих богов, и тогда можно поговорить со старейшинами.

— А с дружиной меня пошли, княже, или какого-нибудь другого воеводу, — закончил Свенельд. — Так будет ладно...

— Сам пойду с дружиной в лес! — решил Святослав.

Воевода склонил голову, повинувшись княжеской воле.

2. АЛК ИЗ РОДА СТАРОГО СМЕДА

Отроку Алку было столько лет, сколько пальцев на трех руках и еще два года. Он не достиг возраста взрослого мужчины, но и мальчиком его в деревне уже не считали. Старейшина рода Смед вручил юноше длинный прямой нож и колчан с боевыми стрелами; стрелы были длинные, тяжелые, с железными наконечниками и с родовыми знаками на черных древках, с черными же перьями.

Печенег Пур, который пас родовое стадо на лугах за речкой Смедвой, хотел подарить Алку кривую саблю, но старейшина велел повременить. Носить меч или саблю полагалось только взрослому мужчине, а Алк еще отрок. Таков обычай.

Алк не обиделся на старого старейшину. Не по своему нерасположению он не разрешил взять саблю, а по обычаю. Обычаями род держится...

А дружить с Пуrom старейшина запретить не мог. Печенег научил Алка лихо скакать на

коне и разговаривать на печенежском языке. Не многие взрослые это умели.

До торжественного обряда посвящения в воины Алк жил не с родителями и младшими братьями, а в особой избе на краю деревни, с такими же, как он сам, отроками. Через год, достигнув полного совершеннолетия, Алк получит саблю, построит собственную избу и будет сидеть на совете со взрослыми мужчинами. Пока же ему лишь доверяют сторожить ночью деревню и ходить в цепи загонщиков на охоте.

В здешние места род Смеда переселился не очень давно. Безымянную речку, возле которой построили деревню, люди назвали по имени старейшины Смедвой.

Алк гордился, когда незнакомые охотники, расспросив, кто он такой и из какого рода, уважительно отзывались о старом Смеде. И он еще гордился, что на земле его рода было капище.

Уже на памяти Алка пожар спалил старую Священную Рощу, где обитали родовые боги. Люди вынесли из огня деревянных идолов и поставили их на пологом холме возле самой

деревни. Старейшины соседних родов стали собираться у очага Смеда, чтобы обсудить общие дела и принести жертвы богам. Получалось, что Смед вроде бы старший над всеми старейшинами.

Едва донеслись слухи о походе князя Святослава, старейшины многих родов пришли к Смеду. О чем они говорили на совете, Алк не знал, потому что даже многие взрослые мужчины не были допущены в избу. Но по обильным жертвам, принесенным в тот день богам, можно было догадаться, что вятичам угрожает большая опасность. Разве иначе зарезали бы на капище двух черных быков?

Но вечером старейшина Смед сам пришел к отрокам. Присел на скамью возле очага, провел ладонью по седой бороде, промолвил тихо:

— Слушайте со вниманием, отроки. В нашу землю вошел князь Святослав с войском, бесчисленным, как деревья в лесу, и все воины его одеты в железные рубахи и железные шапки. Люди спрячутся в лесу, чтобы Святославу не с кем было сражаться и чтобы он поскорее миновал нашу землю. А вы пойдете к

Оке-реке и будете смотреть за войском князя. Для такого дела нужны зоркие глаза и быстрые ноги — как у вас, отроки...

После захода солнца юные сторожа покинули деревню.

Неслышно ступали их ноги в мягких башмаках-поршнях.

Руки осторожно раздвигали кусты.

Стройные тела юношей легко проскальзывали между стволами деревьев.

Только старейшина Смед знал, куда повели их лесные тропы.

Утром Алк был уже в назначенном месте, на высоком берегу реки. Он скинул с плеч кафтан из толстой кабаньей кожи и остался в одной рубахе, перепоясанной узким ремешком. Кожаные кафтаны вятичи носили в лесу, чтобы уберечься от колючек и острых сучьев, а здесь, возле реки, кусты были мягкими, ласковыми.

Тихо несла под обрывом свои воды кормилица Ока, общее владение вятичского племени. Но тревога ощущалась и здесь. На речном просторе не было видно рыбачьих челнов, а в деревне, на другом берегу — обычного утрен-

него оживления. Словно вымерло все вокруг, даже птицы примолкли.

Алк сел за кустом, положил под правую руку колчан со стрелами, под левую — лук и приготовился ждать.

Ждать охотники-вятичи умели. Порой приходилось целый день сидеть в засаде неподвижно и безмолвно, потому что сторожкого зверя могло спугнуть любое неловкое движение, шевеление ветвей, даже негромкое поскрипывание стрел в колчане. Малейшая неосторожность обрекала охотника на неудачу.

Солнце стояло прямо над головой, когда из-за поворота реки выскользнули чужие ладьи. Алк не сразу заметил их, потому что ладьи не выплывали на быстрину, а будто крались у самого берега.

Ладья с хищно поднятым носом проплыла совсем близко. Воины в кольчугах и остроконечных шлемах мерно взмахивали веслами. Гребцы были опытные: ни плеска, ни скрипа уключин. Только за кормой шипит вспененная вода.

Метнулся в кусты дикий кабан. Затрещали

ломаясь сухие ветви.

Ладья остановилась, тихо покачиваясь на волне.

Бородатый воин, сидевший возле кормового весла, долго всматривался из-под ладони в заросли кустарника. Потом, успокоившись, махнул рукой гребцам. Весла без плеска опустились в воду.

Проплыла вторая сторожевая ладья, третья, четвертая и со всех ладей воины внимательно осматривали берег. Но Алк ничем не выдал себя и сторожевая застава князя Святослава уплыла вниз по реке.

Из-за того же поворота показалось сразу множество больших ладей, они заполнили реку от берега до берега. Блестели на солнце доспехи и оружие. Колыхались на ветру разноцветные стяги. Овальные щиты краснели на черных просмоленных бортах, как перевернутые языки пламени.

Так вот оно какое войско князя Святослава!

Алк никогда не видел сразу такого количества воинских ладей. Он пробовал считать, загибая пальцы, но скоро бросил это беспо-

лезное занятие. Голова судового каравана уже уползла вниз по реке, а из-за поворота выплывали новые и новые ладьи и, казалось, что им нет конца.

Алк подумал, что старейшины поступили правильно, спрятав людей в лесных убежищах. Сражаться с князем Святославом бесполезно: воинов у него действительно больше, чем деревьев в лесу.

Потом проплыли широконосые суда с высокими бортами из досок — насады. Алк слышал приглушенное ржание, глухие удары копыт по дереву, а когда насады приблизились, разглядел сверху лошадиные головы.

Конница!

Значит, здесь княжеская дружина, а в других ладьях пешие ратники. Надобно предупредить старейшину Смеда. Вятичи не знали, что судовой караван везет лошадей. И еще надо выяснить место ночлега. Алк решил бежать за ладьями до вечера, чтобы узнать это. Осторожно упятился из кустов в лес, побежал, пригнувшись, вдоль берега, невидимый с реки.

То и дело преграждали путь овраги, во

множестве спускавшиеся к реке. Но судовой караван двигался медленно и Алк, спрямляя изгибы реки, бежал наравне с первыми ладьями.

В лесу к Алку присоединились еще два отрока. Они сразу признали его за старшего. Алк первым заметил ладьи, а потому имел право распоряжаться. Так поступали вятичи на охоте: охотник, первым увидевший зверя, вел за собой всю облаву. А война и облавная охота — разве не одно и то же?

Молодые вятичи послушно бежали за Алком, пережидали в лесу, пока он подкрадет к берегу и своими глазами увидит ладьи, и снова устремлялись вперед, услышав условный свист.

Алка переполняла гордость. Кто из юношей не мечтает стать вождем на войне?

Длинные июньские дни, но и они имеют конец. На реку опускались сумерки. Поползли из оврагов, растекаясь по воде, сизые полосы тумана.

В голове судового каравана протяжно задела труба.

Ладьи нетерпеливо причаливали к берегу.

Воины высаживались на большой луг, огражденный с двух сторон оврагами; дальний от реки конец луга упирался в непроходимую лесную чащу.

Алк удивился опытности воевод князя Святослава. Как они, чужие в этих краях, сумели сразу найти самое удобное и безопасное место для ночлега? Откуда они узнали, что именно здесь всегда останавливались осторожные болгарские купцы[5], приплывавшие с Волги? Может, по следам старых кострищ, черневших среди травы? Но ведь кострищ снизу, с воды не видно...

Алк забрался на высокое дерево, притаился среди листвы. Военский стан князя Святослава был перед ним, как на ладони. Воины копошились на лугу, как муравьи, и Алк не сразу уловил в их беспорядочном движении какой-то смысл.

От толпы отделились дружинники с длинными копьями в руках и редкими цепями встали у оврагов, словно живым частоколом оградили стан от посторонних. К опушке леса поехали всадники.

Взметнулись стяги на длинных жердях и

толпа возле них была гуще, чем в иных местах. Наверно, там остановились воеводы со своими телохранителями.

Задымились, запылали костры.

Воины неторопливо прохаживались между кострами, проносили на плечах туши кабанов и баранов, складывали на землю доспехи. Свои длинные копья они вонзали древками в землю, и вскоре луг стал походить на колючее жнивье.

Но где сам князь Святослав?

Алк никак не мог понять этого.

В стане не было нарядных шатров, где обычно ночевали знатные люди. Воины укладывались спать прямо на землю, на звериные шкуры или попоны, а под головы подкладывали седла. Не видно было и медных котлов для приготовления пищи. Воины разрубали мясо ножами, нанизывали на прутья и жарили над костром, каждый для себя. Даже по одежде невозможно было понять, кто из них воевода, а кто простой ратник. Все в длинных белых рубахах, на ногах — кожаные сапоги. И оружие одинаковое: прямые обоюдоострые мечи, копья, боевые луки из упругих турьих

рогов[6], топоры-секиры, тяжелые медные булавы.

В подчеркнутой одинаковости войска было что-то необычное и грозное. Будто сказочное боевое братство, о котором рассказывали зимними вечерами старики.

Алк подумал, что искать князя Святослава среди одинаково одетых вооруженных воинов бесполезно. Каждый из них мог казаться князем!

Ночь опустилась на окские берега.

Пламя костров медленно опадало, будто растворяясь в углях, а угли затягивались серым пеплом. Затихали голоса на лугу. Только сторожевые ратники изредка перекликались: — Слу-у-ша-а-ай!..

Воинский стан князя Святослава засыпал, доверившись бдительности ночной стражи...

Алк спустился с дерева, нашел между корневищами глубокую яму и прилег на песок. Завтра предстоял нелегкий день, надо набраться сил. А его товарищи побежали через ночной лес, повторяя про себя слова, которые нужно было в точности донести до старейшины Смеда:

«Войско князя Святослава ночует возле Оленьих оврагов. Воинов и ладей очень много и кони тоже есть. Завтра Алк пойдет следом за войском».

3. ЧЕРНАЯ СТРЕЛА

Проторенную дорогу, уводившую в лес, на-
шел десятник Кара. Следы копыт и глубо-
кие борозды от саней-волокуш были на ней
еще свежими. Значит, по дороге совсем
недавно ездили люди и перевозили тяжести.

Обрадованный десятник поспешил к кня-
зю, потому что каждому, кто найдет следы вя-
тичей, была обещана награда — серебряная
гривна[7].

Вскоре княжеская дружина углубилась в
лес.

Святослав торопился: вятичей нужно за-
стать врасплох, чтобы они не успели убежать
из своих домов. А в том, что дорога вела к ка-
кой-то большой деревне, сомнений у князя не
было.

Вековые сосны вплотную придвинулись к
дороге, огромные сосновые лапы сомкнулись
над головой, загораживая небо. Было сумрач-
но и тревожно, будто по дну глубокого оврага
ехали всадники. Копыта коней скользили на
влажной земле. На дорогу выскочил заяц, за-
мер на мгновение и испуганно метнулся в ку-

СТЫ.

Кара, ехавший со своим десятком впереди дружины, вскинул было лук, но косога и след простыл, исчез в зарослях. «Напугал, непутевый...» облегченно вздохнул десятник и откинулся в седле.

Дорога обогнула холм и вдруг исчезла под завалом из могучих сосновых стволов. Ветви завала переплелись — колючие, угрожающе растопыренные, непреодолимые ни для конного, ни для пешего. И обойти завал было нельзя: одним концом он упирался в склон холма, другим — в частый ельник.

Спешенные дружинники бросились на завал яростно и дружно, как на штурм вражеской крепости. Взметнулись острые железные крючья, с глухим стуком вонзаясь в дерево. Десятки рук тянули веревки. Стучали топоры, обрубавшие ветки. Крики, скрежет, треск ломающихся веток, глухие удары падавших на землю сосновых стволов...

Не прошло и получаса, как сквозь разбросанный завал проехали первые всадники.

Потом был еще один завал, но не такой большой, да и строили его вятичи небрежно,

торопливо, подрубая только деревья, стоявшие возле самой дороги. Сосны лежали в завале не острыми вершинами вперед, а как попало. Через такой завал продрасться было нетрудно, и дружина почти не задержалась.

Впереди посветлело. Видно, недалеко был конец леса.

Дружинники заторопили коней, оживились. Лучше уж бой, чем этот поход в неизвестность через дремучий лес. В бою все просто: вот он — враг, а вот — верный меч в руке и побратимы-товарищи, плечо в плечо, рядом!

Но поперек дороги — еще один завал, невысокий, неровный, не завал даже, а так, несколько подрубленных деревьев. Десятник Кара, красуясь серебряной шейной гривной, подъехал к нему без боязни. Да и чего бояться? Если вятичи отдали без боя большие завалы в лесу, зачем им устраивать засаду здесь, возле малого завала?

Звон спущенной тетивы, похожий на мгновенно оборвавшееся жужжание шмеля, был неожиданным. Длинная черная стрела пронзила горло десятника, угадав прямехонь-

ко в вырез кольчуги.

А вокруг была тишина. Не слышно было ни торжествующих криков, которые обычно сопутствуют удачному нападению, ни топота убегающих ног, ни даже шелеста листвы на придорожных кустах, и невозможно было понять, откуда и кем пущена стрела.

Дружинники осыпали завал стрелами, кинулись, выставив копья, на придорожные кусты. Островерхие шлемы замелькали между деревьями, удаляясь. Но лес был безмолвным и пустым, и только распростертое на дороге тело десятника Кара немо свидетельствовало, что звон тетивы не почудился дружинникам, что неизвестный враг нанес смертоносный укол и, как змея, уполз без следа...

Подъехал князь Святослав, молча снял шлем, поклонился павшему товарищу. Ему подали стрелу, поразившую десятника — длинную, с черным древком и черным оперением. По зазубренному наконечнику красными бусинками скатывалась кровь. Первая кровь похода.

Князь протянул стрелу воеводе Свенельду: — Глянь-ка! Зарубки на древке, а рядом

будто косою крестик. Меченая стрела! По этой стреле будем искать с вятичей дикую виру![8]

Широкая и светлая поляна, круглая, как блюдо, была со всех сторон окаймлена синеватой гребенкой леса. Среди сочной луговой зелени кое-где чернели полосы пашни. Причудливо петляла речка, заросшая кустами ивняка. Привольное здесь место, обжитое. За речкой вятичская деревня притаилась. Бревчатые избы закопаны до половины срубов, крыши плоские, выложенные дерном. Только на отшибе одна изба побольше других, и окружал ее частокол из заостренных кольев.

Воевода Свенельд повелительно взмахнул рукой.

Сотня дружинников на гнедых конях с гиканьем и свистом пронеслась к деревне, хватывая избы полукольцом. Но деревня была пуста, только ветер покачивал двери покинутых изб. Опять неудача?

К князю Святославу подъехал дружинник из бывшего десятка Кара, прокричал торжествующе:

— Там идолы, княже! Капище!

За деревней, возле березовой рощи, торчал могучий дубовый столб, потемневший от времени и непогоды; на высоте человеческого роста в него были всажены устрашающие кабаньи клыки, а венчался идол подобием головы, грубо вытесанной топором. Земля перед большим идолом была обильно полита кровью жертвенных животных, почернела и запеклась, как кострище. Рядом стояли идолы поменьше, тоже темные, щелястые, злоеющие.

Капище было окружено забитыми в землю кольями, на которых белели черепа животных — быков, баранов, свиней. Только медвежьих и кабаньих черепов не было на ограде. Лесных зверей вятичи почитали почти что наравне с идолами, вылепленными из глины медвежьими лапами украшали свои избы.

Ни один дружинник не ступил на священную для вятичей землю капища. Так приказал князь Святослав, посоветовавшись с воеводами. Чужих богов обижать нельзя. Чужие боги могут жестоко отомстить за обиду. Вятичи тоже не простят пришельцам, если они нанесут ущерб святыне. А князь Святослав наде-

ялся сойтись со здешними старейшинами на мире, а не на войне. Хоть далеко земля вятичей от Киева, но люди в ней не чужие, одного с другими славянами языка и племени.

И деревню князь не велел трогать, выбрал место для стана поодаль, посередине поляны.

Как всегда в чужой земле, воины вырыли вокруг стана глубокий ров, поставили на краю частокол из заостренных кольев, сколотили деревянные мостки, чтобы самим можно было быстро выбежать в поле. Вечером они загнали коней в ограду и сами укрылись в стане, как в крепости. Только копья сторожевых ратников тихо покачивались над частоколом.

Ночь прошла спокойно. Перед рассветом сторожевым ратникам почудилось шевеление за ровом. Там скользили какие-то неясные тени, слышались приглушенные голоса.

Известили князя. Он долго стоял у частокола, вглядывался в предрассветный сумрак и, угадав присутствие в поле множества людей, удовлетворенно рассмеялся: хитрецы-вятичи собрались-таки к своему капищу!

4. ЗЕЛЕНАЯ ВЕТКА МИРА

Коршуны кружили над поляной, и в их неторопливом полете было ожидание. Когда вместе собиралось так много людей, после них всегда оставалась вкусная еда.

Коршуны ждали своего часа.

С высоты птичьего полета на поляне были отчетливо видны два огромных кольца, одно внутри другого. То кольцо, что было поменьше, отливало сизым блеском железа, щетинилось колючками копий. Это за рвом, желтевшим свежим песком, изготовилась к бою дружина князя Святослава.

Наружное большое кольцо колыхалось множеством простоволосых голов и меховых шапок, красно-коричневыми пятнами щитов, сплетенных из ивовых прутьев и обтянутых бычьей кожей, матовыми отблесками топов и камышовой порослью охотничьих рогатин; оно то сжималось, то разбухало в стороны, пенилось, словно мутный речной прибой, готовый захлестнуть островок княжеского воинского стана. Множество вятичей из ближних и дальних деревень сошлись вместе, что-

бы прогнать чужих людей от капища или умертвить их.

Впереди вятичского воинства стояли признанные храбрецы, дерзко подставившие стрелам голые груди. Всю одежду их составляли холщевые штаны, туго перетянутые ремнями и заправленные в сапоги, а оружие — огромные топоры-секиры, такие тяжелые, что рубиться ими можно только двумя руками. Зато сокрушительными были удары вятичских боевых секир, они разрубали даже железные доспехи.

Дальше стояли копьеносцы, составив вплотную щиты, а за ними притаились лучники — молодые воины, для которых эта битва будет первой.

На первый взгляд вятичское войско казалось грозным и непреодолимым, способным задавить врага своей многочисленностью, но князь Святослав был уверен в победе. Он знал, что вятичи нестойки в рукопашном бою, потому что кольчуги и панцири имеют немногие. Начиная сражение, вятичи устрашающе кричат, делая вид, что собираются напасть, а на самом деле лишь запугивая про-

тивника. Если тот остается твердым, вятичи сами обращаются в притворное бегство, чтобы заманить в засады. Важно только не дрогнуть и не поддаваться на их хитрости. В прямом бою княжеская дружина разрубит беспорядочную толпу, как нож разрубает мягкую ковригу хлеба...

Вот и сейчас вятичи, по известному обычаю своему, испустили оглушительный вопль, разом качнулись вперед. И — остановились!

Потом снова закричали все вместе и снова сделали лишь несколько шагов.

На расстоянии перестрела[9] от рва вятичское воинство встало окончательно.

— Мыслью, на приступ вятичи не пойдут, — сказал Святослав воеводе Свенельду. — Пора говорить со старейшинами.

— Пора! — согласился Свенельд.

Протяжно, успокаивающе пропела труба в стане князя Святослава.

Вятичи попятнулись, как бы приглашая выйти в поле.

Пешие дружинники раздвинули колья частокола, перебросили через ров мостки. Сын

воеводы Свенельда — старший дружинник Лют Свенельдович — вышел за ограду с зеленой веткой в руке, знаком мирных намерений.

Он шел под тысячами настороженных взглядов, мягко ступая сапогами по траве, весь облитый железом доспехов, но без меча у пояса.

Смутное лицо Люта было строгим и торжественным, движения неторопливыми и величественными. Горячая степная кровь, доставшаяся в наследство Люту от матери-венгерки, выдавала себя лишь нетерпеливым блеском узких черных глаз. Будто два мира сошлись в посланце князя Святослава: лихая необузданность степного ветра и спокойная непоколебимость русских лесов. Но сейчас лихость мирилась перед спокойствием...

Вятичи продолжали пятиться, расходясь в стороны и освобождая дорогу к кучке старцев в длинных белых плащах и меховых шапках — старейшинам вятичских родов.

Старейшины стояли, одинаково опираясь на посохи, и молча смотрели на Люта. В их глазах не было ни страха, ни удивления —

только гордая уверенность.

Лют положил березовую ветку к ногам старейшин и, отступив на шаг, поднял обе руки, показывая всем, что пришел без оружия.

Повинуясь едва заметному жесту одного из старейшин, молодой вятичский воин бережно поднял ветку с земли. Лют облегченно вздохнул: вятичи согласны говорить о мире!

Рабы князя Святослава расстелили на лугу большой пестрый ковер, положили на одном конце несколько полосатых подушек, а на другом — седло, окованное серебром. Озираясь на молчаливые ряды вятичей, они отбежали к стану, и почти тотчас на мостки, перекинутые через ров ступил князь Святослав.

Он был пешим, но два дружинника вели следом рослого воинского коня. Длинный княжеский меч был привязан к седлу.

Отставая на полшага, за князем шествовал воевода Свенельд. Серебряная цепь на шее воеводы позвякивала о железо панциря, на левой руке покачивался овальный красный щит с медной бляхой посередине, рука в железной рукавице поддерживала ножны прямого меча, боевой топорик заткнут за пояс.

Воевода Свенельд как бы олицетворял собой грозную мощь дружинного войска.

А князь Святослав был одет просто. Белая рубаха, перепоясанная красным ремешком с бляшками. Сапоги тоже красные, с загнутыми вверх острыми носами, без каблуков. Князь был среднего роста, не слишком высокий, но и не слишком низкий, с густыми бровями, с голубыми глазами, с бритым подбородком и длинными усами: голова чисто выбрита, лишь на одной ее стороне оставлен локон волос, свидетельствующий о знатности рода. В левом ухе покачивалась золотая серьга, украшенная двумя жемчужинами с рубином посередине, — единственная драгоценность, которую Святослав надевал на себя. Шея у князя была толстая и крепкая, плечи широкие, в мускулистых руках угадывалась большая сила. Взгляд из-под нависших бровей казался властным и строгим. Такого человека нельзя не запомнить, он внушал уважение и трепет...

Князь Святослав опустился на седло, закрипевшее под его тяжестью, и застыл неподвижный, как каменное изваяние. Воевода

Свенельд остановился за его спиной.

Приблизились вятичские старейшины и, повинувшись приглашающему жесту князя, присели на подушки. Они тоже были без оружия, но длинные посохи, положенные рядом на ковер, хищно поблескивали острыми железными наконечниками.

Ближе других сидел, положив на колени узловатые руки, седобородый старец со светлыми, почти белесыми глазами. Такие глаза князь Святослав видел у одного киевского гусяря, помнившего еще Олега Вещего. Люди говорили, что гусярь давно разменял вторую сотню лет своей жизни. И этот вятич старше всех старых. С ним, видно, и придется говорить...

Святослав угадал правильно — говорить начал белоглазый старец, а остальные старейшины почтительно слушали, кивая головами:

— Мое имя Смед. Я старейшина рода, на земле которого ты сидишь. Вятичи спрашивают: зачем ты пришел? Другом или недругом? С миром или с войной? Отвечай, князь, пока не пролилась кровь...

Святослав вытащил из-за голенища черную стрелу и протянул старейшине:

— Гляди! Кровь уже пролилась! Этой стрелой убили храброго воина из моей дружины!

Старейшина Смед принял стрелу, задержал взгляд на метке:

— Кровь твоего воина не останется без искупленья. Но ты еще не ответил...

— Кому вы, вятичи, даете дань? — резко прервал его князь.

— Хазарам, — помедлив, ответил Смед. — Хазарам, которые приходят с Волги.

— Разве у вятичей много лишних мехов? — напористо спрашивал Святослав. — Или меда? Или воска? Или одежды? Или хлеба, чтобы отдавать все это людям чужого племени?

— Когда берут дань, не спрашивают о жelanии, — возразил Смед.

— Тогда выслушай древнее сказание и постарайся понять его смысл, сказал Святослав. — В стародавние времена жили в лесу на горах, над рекой Днепром, где ныне стоит стольный Киев, люди славянского племени — поляне. И нашли их хазары и сказали: «Пла-

тите нам дань!» Поляне, посоветовавшись между собой, дали хазарам по мечу от дыма [10]. Отнесли мечи хазары к своему князю-кагану и к своим старейшинам и сказали им: «Вот новую дань взяли мы». И сказали тогда старцы хазарские: «Недобрая это дань. Вы доискались ее оружием, острым лишь с одной стороны, то есть саблями, а у полян оружие обоюдоострое, то есть мечи. Не взять с них дани, но сами они будут собирать дань с иных земель!» Так и получилось. Поляне никому не платят дани, но берут со многих. В чем смысл древнего сказания, старейшина?

И опять за всех старейшин ответил Смед:

— В том, что дань собирают оружием и оружие же освобождает от дани. Но у вятичей мало мечей и живут они каждый своим родом, друг от друга отдельно. Хазары приходят неожиданно, многим множеством воинов, и если не дают им ничего, то вырезают один род, потом другой, потом третий, пока остальные не устроятся и не принесут дань. Не для вятичей твое сказание, но для племени, собранного в одну горсть...

— Ты сам догадался, старец, зачем я при-

шел в землю вятичей! торжественно произнес Святослав, поднимаясь с седла; следом за ним встали старейшины. — Я хочу собрать вятичей в одну горсть! И не в горсть даже — в крепкий кулак! Настало время вятичам склониться под власть Киева! Тогда я скажу: между нами мир! Не другом я пришел сюда и не недругом — господином!

Смед молчал, поглаживая ладонями бороду. Другие старейшины выжидательно поглядывали на него. А Смед думал.

Слова молодого киевского князя не были для него неожиданными. Пришло время вятичам выбирать свою судьбу. Сколько можно стоять на перепутье? Сами не решим — другие заставят. Со всех сторон сильные народы давят: с Волги — хазары, с Камы — болгары, из степей — печенеги. С закатной стороны[11] киевская держава надвигается, обтекая земли вятичей полукольцом подвластных племен и народов. В одиночку вятичам не выстоять, нужно к кому-то прислоняться. А если уж выбирать, то единокровную Русь!

Но легко ли решиться вот так, сразу? С дороги на тропинку свернуть и то задумаешься,

а тут речь идет о судьбе целого народа... И старейшина Смед возразил осторожно:

— Вятичи не свободны в своем выборе, ибо давно даем дань хазарам. Мы согласимся, а они, может, нет? Не случится ли так, что ты уйдешь, а хазары снова придут в нашу землю, покарают нас и возьмут дань вдвойне?

— Защищать людей своих — княжеская забота. Сам с войском останусь зимовать в земле вятичей и буду щитом ей. А весной вместе пойдем на Хазарию...

И еще одно сомнение высказал старейшина Смед:

— Вятичи привыкли жить по своим обычаям, повиноваться своим старейшинам... И боги у нас тоже свои...

— Неволить не буду, живите как хотите! — решительно сказал князь. Будете давать мне воинов для походов и дань не больше, чем давали хазарам. На сказанном клятву принесу своим богам, а вы своим. Мир или войну выбирают вятичи?

— Мудрые говорят: худой мир лучше доброй ссоры, — вздохнул старейшина.

— А по мне, лучше война, чем недобрый

мир! — возразил Святослав. Что выбирают вятичи, добрый мир или войну?

— Мир, который ты предлагаешь вятичам, может быть добрым, если исполнишь обещанное...

— Исполню!

Старейшина Смед поклонился князю и торжественно произнес:

— Будь господином в земле вятичей!

Другие старейшины послушно повторили:

— Будь господином!

Радостные крики разнеслись над поляной:

— Мир! Мир!

Вятичи складывали на землю оружие, ответственно взмахивали руками:

— Мир!

Празднично ревели трубы.

Вятичи несли дружинникам деревянные чаши с медом, круглые хлебы, куски жареной дичи. А проворные княжеские рабы уже подбегали к старейшинам с кувшинами вина.

Князь Святослав пригубил серебряную чашу и передал Смеду:

— Пусть будет между нами добрый мир!

5. ЖИЗНЬ ЗА ЖИЗНЬ

Князь Святослав и думать забыл о черной Стреле: не до того было, неотложных забот накопилось невпроворот. Шутка ли, целая земля, равная доброй половине Руси, становилась под его державную руку!

Из глухих заокских лесов, с неведомых доселе княжеским мужам рек Цны, Пры, Унжи, Колпи и иных многих приходили старейшины с данью и клятвами верности. Всех надобно принять с честью, обласкать, условиться о числе воинов, которые пойдут вместе с князем в весенний поход. И свои воеводы отъезжали с конными ратями в разные концы земли вятичей и каждому нужно было указать, куда идти и как вести дела.

Заботы, заботы без конца...

Поэтому Святослав даже удивился, когда к нему пришел старейшина Смед и многозначительно сказал, что выполнил обещанное. Два угрюмых вятичских воина ввели в избу юношу в длинной белой рубахе, босого. Руки юноши были связаны за спиной сыромятным ремешком.

— Я обещал найти человека, который убил твоего воина. Это он, объяснил старейшина. — Род выдает его головой за смертоубийство.

Святослав, воевода Свенельд и гридни-телохранители, которые вошли следом за вятичами, с любопытством рассматривали юношу, а тот, чувствуя их недобрые взгляды, держался подчеркнуто прямо и гордо.

Глаза у юноши были голубые-голубые, совсем такие же, как у самого князя Святослава, и в них не было страха — только тоскливая безнадежность. Видно юноша смирился со своей горькой участью и был готов принять любое, самое жестокое наказание.

Князю Святославу молодой вятич понравился. Достоинно держится!

Святослав любил смелых людей и многое прощал за смелость. А тут, кроме мимолетного расположения к смельчаку, был еще дальновидный расчет. Князь понял, что ему представляется случай показаться перед вятичами не только сильным, но и милосердным.

Разумный правитель не должен быть излишне жестоким. Жестокость поражает

неверность, а доброта — благодарность и ревность к княжеской службе. Но, заранее решив, что помилует молодого вятича, князь спросил его подчеркнуто строго:

— Верно ли, что ты убил воина?

Юноша молча кивнул головой.

Старейшина Смед торопливо объяснил, снимая вину с остальных родичей:

— Это он, он! На всем роде вины нет, только на нем. Род не поручал ему проливать кровь, но только следовать за твоим войском в отдалении...

— Зачем же ты пустил стрелу? — удивленно спросил Святослав.

Юноша разлепил упрямо сжатые губы, проговорил хрипло, с усилием:

— Твое войско шло к капищу... Лесные завалы не остановили войско... Я хотел убить воеводу или другого знатного человека, чтобы воины остановились...

— Но ты убил простого десятника!

— Я видел на нем серебряную гривну... Серебро носят на груди только знатные люди...

Святослав вспомнил, как радовался десятник Кара, принимая в награду серебряную

гривну. Гривну, которая погубила его спустя несколько часов... Вспомнил и нахмурился.

Тяжелое молчание повисло в избе. Гривни уже придвинулись к юноше, готовые схватить его по первому знаку. Но Святослав остановил их жестом, заговорил медленно, как бы взвешивая слова и размышляя, на что решиться:

— Кровь за кровь... Есть такой обычай у нас... Но есть и другой обычай, столь же древний, — жизнь за жизнь... К чему склониться? Кровь за кровь или жизнь за жизнь?

Люди слушали, затаив дыхание и стараясь угадать, каким решением закончит князь свою речь-размышление. А Святослав продолжал, также медленно и значительно:

— Отрок пролил кровь до объявления мира. Он не знал, зачем идет войско — с миром ли, с войной ли. Оттого вина его вполовину меньше...

Воевода Свенельд кивнул, соглашаясь:

— Да, это было до мира!

— Мне не нужно крови этого отрока, старейшина! — решительно сказал Святослав. — Пусть он заменит павшего по его вине воина.

Да! Пусть будет так: жизнь за жизнь! Это справедливо?

— Справедливо! — обрадованно поддержал старейшина Смед, разрезая ножом ремень на руках юноши, и добавил строго:

— Отрок Алк! Служи князю верно, как служил роду своему!

— Но сможет ли сей млад заменить десятника? — усомнился воевода Свенельд. — Кар был отважным воином.

— Алк молод, но проворен и храбр, — заступился Смед за своего родича. — Он скачет на коне, как прирожденный степной наездник. Он владеет луком не хуже охотника за рысями. Он понимает печенежский язык...

— Столько много достоинств у столь юного воина? — недоверчиво улыбнулся князь.

— Так испытай его! — предложил Смед.

— Испытай, княже! — заговорили дружинники. — Пусть покажет, что умеет.

И воевода Свенельд тоже сказал:

— Испытай!

Алка подвели к длинной коновязи из березовых жердей, возле которой стояли воинские кони.

— Выбирай!

Алк неторопливо прошелся вдоль коновязи и указал на рослого гнедого жеребца, бешено взрывавшего копытами землю:

— Вот этот!

Дружинники переглянулись, выбор юноши показался им неразумным. Гнедой жеребец, недавно купленный у печенегов, был диким, не обученным ходить под седлом. Даже табунщики боялись приблизиться к нему.

Осторожный Смед посоветовал было взять другого коня, помирнее, но князь властно оборвал его:

— Воин сам выбирает коня. Пусть отрок возьмет того, на которого упал его взгляд.

Гнедой жеребец беспокойно всхрапывал, скалил зубы, косился на людей налитыми кровью глазами. Алк осторожно приблизился к нему, протянул руку к холке и едва успел отпрыгнуть, чудом избежав удара копытом.

Отвлекая внимание жеребца, с другой стороны подошли дружинники. Конь навалился грудью на прогнувшуюся жердину, силясь дотянуться до них зубами.

Смед подсказал юноше:

— Пора!

Алк с разбегу вскочил на спину коня, покрытую лишь тонкой попоной, и вцепился руками в гриву. Дружинники проворно отвязали уздечку от коновязи и кинули свободный конец Алку.

Как черная молния, взвился жеребец, пронесся по поляне и исчез за Священной Рощей. Затихал, быстро удаляясь, судорожный перестук копыт.

Лют Свенельдович усмехнулся:

— Своими руками отпустили полоняника. Ищи теперь его как ветра в поле!

Совсем тихо сказал Лют, на ухо отцу, но старейшина Смед услышал его слова и обиженно возразил:

— Алк не убежит. Род отдал его князю и он не опозорит свой род. Если отрок останется жив, он вернется.

Алк вернулся — пропыленный, в разорванной одежде, с воспаленными от ветра глазами. Закостеневшие пальцы юноши так крепко вцепились в уздечку, что дружинники с трудом разжали их.

Но и конь устал. Он стоял, покачиваясь на

дрожащих ногах, дышал тяжело, загнанно, и в глазах его не было прежней бешеной злости — только покорность воле наездника. Конь был усмирён.

Потом Алк из своего охотничьего лука метал стрелы в красный круг, прислоненный к стволу березы, и попадал без промаха. Потом рубился тупыми мечами с кривичем Вестом и выстоял против него.

Дружинники одобрительно переглядывались.

Слово было за князем и Святослав произнес это слово, одно-единственное слово, решившее судьбу молодого вятича:

— Достоин!

Гридни окружили нового товарища, повели к дружинной избе. Алк пошел с ними, все еще не веря, что все страшное позади, что он прощен и что не пленник он отныне, а княжеский дружинник. У Алка кружилась голова и, казалось, что он все еще мчится по полю на бешеном коне, а перед глазами, сливаясь в сплошную полосу, мелькают колючие репейники и луговая трава...

Только вечером, чувствуя на плечах

непривычную тяжесть кольчуги, Алк поверил, наконец, что все происходившее с ним сегодня не сон, а явь. Княжеское прощение, приветливые слова дружинников, доверие десятника Веста, поставившего его одного в карауле у самого леса — все это действительно было!

Кажется, вот он лес, рядом, шагни и скройся в темноте, ведь никто не приглядывает за Алком, один он здесь в карауле. Но крепче сыромятных ремней связало Алка доверие новых товарищей, и он чувствовал, что не сможет обмануть их, что существуют узы не менее прочные, чем прежние, родовые, а имя этим узам — *д р у ж и н а*.

Утром мимо Алка проехал князь Святослав. Он кивнул юноше приветливо, но равнодушно, как будто не было ничего удивительного в том, что вчерашний враг сторожит лагерь в кольчуге княжеского дружинника.

А может, и действительно нечему удивляться?

Воины из многих славянских племен — поляне и северяне, древляне и радимичи, кри-

вичи и дреговичи, уличи и тиверцы — приходили на службу к князю Святославу и, переварившись в общем дружинном котле, забывали родовые обычаи. Что особенного, если в дружину пришел еще и воин из племени вятичей? Не первый и не последний воин, вступивший в боевое дружинное братство...

6. ДРУЖИННОЕ БРАТСТВО

В своей деревне Алк привык верховодить среди сверстников. Даже многие взрослые мужчины уступали ему в искусстве стрельбы из лука и в верховой езде. Теперь Алку заново приходилось утверждать себя в глазах людей и не все у него ладилось. С другой меркой подходили дружинники к достоинствам воина и оружие в дружине в дружине было другое, непривычное для юноши. Даже кольчугу Алк не сразу научился надевать, а боевой лук из турьих рогов и вовсе оказался непослушным. Алк с трудом натягивал тугую тетиву, руки от напряжения дрожали, и стрелы пролетали мимо цели.

Обидно!

Алк уединялся в лесу и часами натягивал непослушную тетиву, сначала просто так, без стрел, потом со стрелой, взаправду. Дзинь... дзинь... дзинь... — звенела стрела, как струна на гусях. Дзинь...

Немало дней прошло, пока Алк снова удивил товарищей своей мягкостью и заслужил скупую похвалу десятника Веста.

Еще труднее давалось искусство рубиться мечом, а ведь в этом было главное достоинство княжеского дружинника. Ободренный успехом в первом поединке с Вестом, Алк смело вышел на бой и потерпел полную неудачу. Неуловимым движением десятник трижды выбивал меч из руки Алка, и тому пришлось поднимать свой меч с земли под насмешливыми взглядами дружинников. Видно прославленный поединщик просто пожалел молодого вятича перед лицом князя, сражался тогда вполсилы, и следовало долго учиться, чтобы сражаться с княжескими дружинниками на равных...

И Алк постигал хитрую воинскую науку старательно, до изнеможения, до тупой боли в натруженных плечах. Десятник Вест был терпелив, а Алк настойчив. Оба они, учитель и ученик, оставались довольны друг другом.

Дружинники похвалили Алка за успехи, но в их словах Алк чувствовал насмешливое снисхождение. Алк понял, что новые товарищи еще не полностью приняли его в свою семью, лишь присматриваются. Понял и не обиделся. Как оценить воина до настоящей бит-

вы? Разве можно назвать побратимом[12] человека, о котором пока не известно, будет он твердым перед лицом смерти или покажет спину врагу?

На побратимстве держалась дружина. Оставшийся вне побратимства воин не мог считать себя полноправным дружинником. Не мастером считался такой человек, а лишь подмастерьем. Как вятичский юноша Алк, еще не имевший случая показать себя в бою... Алк жаждал боевого отличия. Если и случались бои, то лишь для ученья, тупыми мечами. В таких боях можно показать силу и ловкость, но не воинскую доблесть.

Князь Святослав словно забыл о молодом вятиче, заменившем в дружинном строю десятника Кара. Другие дела занимали князя, но знать о них Алку было не дано.

Как-то неожиданно подкралась и вошла в силу осень. Рассветы стали прозрачными и холодными, как родниковая вода. Утром в низина хуже ложились первые осенние заморозки. Солнце еще щедро разливало свет, но не обжигало, как летом, а лишь слегка касалось земли ласковым теплом.

В один из ясных осенних дней к князю Святославу приехали послы из Волжской Болгарии.

Послов ждали давно. С попутным купеческим караваном князь Святослав отправил богатые дары болгарскому царю и намекнул, что желает быть с ним в мире и дружбе.

Воевода Свенельд уверял, что болгарский царь откликнется. Волжская Болгария искала союзников, которые помогли бы ей освободиться от обременительной хазарской дани. В прошлые времена болгарские цари посылали посольства в Хорезм, и к арабскому халифу в Багдад, не смущаясь немыслимой дальностью расстояния. А теперь, совсем рядом, в земле вятичей, вдруг остановилось войско, которое можно повернуть против Хазарии. Разве упустит болгарский царь такой случай?

Свенельд оказался прав. Болгарские послы приехали.

Правда, прибыли они с большим промедлением и не пышным посольством, а тайком, в одежде простых купцов, с немногими слугами. Видно, болгарский царь осторожничал, боялся раньше времени навлечь на себя ха-

зар. Ну что же, пусть хоть так. Осуждать царя не следовало, его можно понять. Старшая дочь царя замужем за хазарским Каганом, а единственный сын томился заложником в хазарской столице — городе Итиле. Кому хочется рисковать родной кровью?

Понять-то Святослав понял, но решил, что показать свое неудовольствие болгарскому царю за потаенность посольства не лишним будет. Он не удостоил послов личной беседой. Переговоры были поручены воеводе Свенельду. Нелегкими оказались эти переговоры.

Болгарские послы осторожничали не меньше своего царя, не хотели себя связывать твердыми обязательствами. О совместном походе на Хазарию они слушать не хотели, испуганно отмахивались широкими рукавами халатов.

— Нет! Нет! Такого мы не можем!

Однако беспрепятственно пропустить войско Святослава через царские владения на Волге послы все-таки обещали. И еще обещали дать суда для перевозки воинов и припасов, если у самого Святослава судов окажется недостаточно. Только пусть князь возьмет су-

да, оставленные в условленном месте, как бы насильно, без ведома болгар. И пусть пройдет через Болгарию, как бы войной, а царское войско запрется в крепости и ничем мешать не будет...

Князь Святослав только посмеивался, слушая рассказы Свенельда о лукавой хитрости послов, которая навряд ли могла ввести в заблуждение хазарских правителей:

— Пусть тешатся надеждой, что обманули хазар. Нам главное — пройти по Волге спокойно. А мнимую войну, если им того хочется, устроим, и избы в деревнях пожжем, и возле болгарских градов пошумим, чтобы было вроде взаправду...

Договор скрепили взаимными клятвами и болгарское посольство отбыло так же тихо, как приехало. Волжский путь к Итилю был открыт для русского войска.

Князя Святослава больше тревожила сухопутная дорога, по которой пройдут в Хазарию конные дружины: в степях между Волгой и Доном господствовали печенеги.

Кочевые печенежские племена ворвались сюда давно, почти сто лет назад, но известно

о них было немного. Печенеги старались не пускать в свои кочевья чужих людей, а смельчаков, которые на свой страх и риск углублялись в Дикое Поле, безжалостно убивали. Известия о печенегах доходили до Руси стороной, через другие кочевые народы.

Рассказывали, что печенеги — многочисленный и богатый народ, владеющий большими табунами коней и стадами баранов; у них драгоценные сосуды, серебряные пояса и хорошее оружие, большие трубы в виде бычьих голов, рев которых поистине ужасен. Вся Печенегия разделяется на восемь округов с великими князьями во главе, а округа в свою очередь — на племена, в которых тоже есть князья, и таких князей сорок. Все они воинственны и алчны. Своими набегами печенеги внушают страх соседним народам.

Рассказывали, что набег печенегов подобен удару молнии, а отступление их тяжело и легко в одно и то же время: тяжело от множества добычи, легко от быстроты бегства. Нападая, печенеги предупреждают молву об этом, отступая, даже не дают возможности преследователям взглянуть на себя — так они

стремительны. Жизнь мирная — для них несчастье, а верх благополучия удобный случай для нападения. Самое худшее, что печенегги своей численностью превосходят весенних пчел и никто еще не сосчитал, сколькими тысячами или десятками тысяч они нападают...

Князь Святослав знал о воинственности печенегов, но знал и другое: опустошая набегом соседние земли, печенегги сами много страдали от хазар. Ежегодно хазары совершали походы в печенежские степи, захватывали пленников и продавали в рабство азиатским купцам. Печенегги ненавидели хазар и вредили им чем могли. Эта ненависть поможет стовориться о совместном походе на Хазарию или хотя бы о благожелательности печенегов при переходе русской конницы через их владения...

Осень — самое подходящее время для переговоров с печенегами. Зимой печенегги кочуют возле теплого моря, откуда с наступлением весны начинают двигаться с табунами и стадами к северу, по мере того, как солнце выжигает пастбища, и оказываются в конце концов совсем близко от славянских земель,

на расстоянии нескольких дней пути. С наступлением же холодов они снова уходят к морю и найти их трудно. Значит, посольство к печенежским вождям надо посылать, не откладывая до зимы.

Долго и тщательно выбирали посла. Князь Святослав не единожды советовался с воеводой Свенельдом, с предводителями пешей рати Воистом и Асмудом, со старым боярином Алвадом.

Сошлись на Люте Свенельдовиче, ибо он походил обликом на степняка, был неутомимым наездником и уже ездил с посольством к другим печенегам тем, которые кочевали у реки Днепра.

В товарищи к Люту назначили десятника Веста, и тоже не без умысла. Известно было, что печенеги очень уважают больших и сильных людей. А кто мог сравниться с Вестом мощью плеч и ростом? Богатырь!

Когда заговорили о толмаче-переводчике, князь Святослав сразу вспомнил о молодом вятиче, понимавшим печенежский язык. Пусть послужит в посольстве, покажет усердие и верность!

Так исполнилось желание Алка.

Разве поездка в стан свирепых печенегов не равна по опасности самому большому сражению?

7. ДИКОЕ ПОЛЕ

До реки Прони посольство ехало лесами. Но леса здесь были не дремучими и хмурыми, как в родных местах Алка, а нарядными, веселыми, насквозь прошитыми солнечными лучами.

Часто попадались поляны, такие просторные, что казалось, тянутся до самого горизонта. Но всадники выезжали на возвышенности, и снова впереди открывались леса, вечные спутники вятичей в пути.

За рекой Проней, которая отливала студеным серебром, как кривая печенежская сабля, лес кончился. Дальше тянулась безбрежная степь.

Алк никогда раньше не видел сразу столько земли и столько солнца. Он остановился на высоком речном берегу, ошеломленный.

Вест ткнул его кулаком в бок, хрипло рассмеялся:

— Ослеп, что ли?

— Просторно-то как, — только и вымолвил юноша.

— Здесь малая степь начинается, — заме-

тил подъехавший Лют. — Еще и справа, и слева леса есть, у Дона и Рановы. А вот прямо на полуденную сторону[13] большая степь начнется, без конца и края. Настоящее Дикое Поле.

На пронском берегу Лют Свенельдович приказал надеть кольчуги и шлемы, которые дружинники везли привязанными к седлам, и решительно направил коня к броду. Всадники сбились плотной кучкой, готовые отразить неожиданное нападение. Зашуршала под копытами жесткая степная трава. Высоко в небе кружился орел. Алк с завистью поглядывал на грозную птицу. Сколь далеко видит она!

Лют Свенельдович был серьезен и озабочен. Безлюдье в степи не успокаивало его. Как истинные степняки, печенегии умели подбираться незаметно, будто волки. Правда, обычай защищал послов, но откуда знать печенегам, с миром или войной пришли чужаки? Все решит первая встреча...

Беспокойство Люта передалось дружинникам и они настороженно оглядывались по сторонам, вздрагивали, когда из травы с шу-

мом вырывались птицы. Только Вест благодушно улыбался, подставляя лучам солнца круглое лицо. Чего беспокоиться? Меч-то он всегда успеет обнажить, а остальное его не касалось. На то есть Лют Свенельдович, старший в посольстве.

Как ни остерегались, встреча с печенегами оказалась неожиданной. Из оврага высыпали всадники в длинных черных одеждах, островерхих колпаках, обтянутых черной же тканью — не понять, шлемы под ней или шапки из плотного войлока. Печенеги на скаку натягивали луки, размахивали копьями и трехгранными кривыми мечами.

Дружинники встали плотным кольцом возле Люта, оцетинились копьями. Печенеги закружились вокруг посольства диким хороводом, почти касаясь наконечников копий своими развевающимися черными одеждами, угрожающе визжали, скалили желтые зубы. Казалось, еще мгновение — и они сомнут горстку дружинников.

Лют Свенельдович поднял над головой зеленую ветку.

Хоровод печенежских всадников постепен-

но замедлил свое бешеное вращение, умолкли крики и визг. Наконец, печенеги остановились, опустили мечи и копья.

— Мы идем к вашим вождям! — крикнул Алк по-печенежски. — Не убивайте нас, но дайте проводников. Жизнь послов неприкосновенна!

Вперед выехал печенежский воин с длинной бородой, в которую были вплетены ленточки. Под его одеждой угадывались складки кольчуги, на запястьях покачивались массивные серебряные браслеты. Браслеты и серебряные пояса свидетельствовали у печенегов о знатности рода, и послы поняли, что от этого человека зависит их судьба.

Алк повторил свою просьбу, добавив, что посольство приехало от славного и непобедимого князя Святослава. Бородатый печенег что-то прокричал резким, срывающимся на визг голосом и указал пальцем на землю.

— Он требует, чтобы мы бросили оружие в траву, — перевел Алк. — Тогда он выслушал нас.

Лют Свенельдович кивнул дружинникам. Копья и мечи полетели на землю.

Печенег снова заговорил, уже спокойнее, дружелюбнее.

— Если вы действительно послы, то ваша жизнь в безопасности. Завтра вы предстанете перед вождями печенежского народа. Следуйте за моим конем и не пытайтесь убежать...

Кольцо печенегов разомкнулось, пропуская посольство.

Лют Свенельдович облегченно вздохнул, обтер рукавом вспотевший лоб. Начало положено, первый мостик к печенегам проложен.

Печенежский стан находился в низине и открылся взглядам послов неожиданно, когда они поднялись на гряде холмов. За составленными кругом повозками теснилось множество юрт из бурого войлока, а среди них большой белый шатер — жилище вождя. Едкий кизячный дым струился над круглыми кровлями, развевались на ветру лошадиные хвосты, привязанные к концам длинных жердей — бунчуки. Сколько бунчуков торчало над юртами, столько сотен воинов было в стане.

Из-за телег высыпала толпа печенегов с пронзительными криками, размахивая топо-

рами и обнаженными мечами, побежали навстречу дружинникам, грозя растерзать, затоптать в пыльную землю, изрубить в куски...

Лют и его спутники остановились, захлестнутые бушующей толпой, и уже прощались с жизнью — столь устрашающей была ярость обступивших их печенегов. Всадники, которые встретили посольство в степи, отталкивали своих соплеменников ударами копий, тоже что-то кричали, но толпа продолжала напирать.

Вопли, визг, лязг оружия, испуганное конское ржание.

Но вот из стана выехала группа всадников в блестящих на солнце доспехах, в круглых железных шлемах, над которыми колыхались пучки разноцветных перьев, и толпа вдруг отхлынула, злобно ворча. Это вожди печенежского племени.

Лют Свенельдович вторично за сегодняшний день возблагодарил бога за избавление от верной смерти. Сколь дики и свирепы печенеги, если так встречают даже послов! И сколь опасны, если выходят на ратное поле

врагами! И сколь мудр князь Святослав, не пожелавший видеть в них врагов!

Мимо расступившихся печенегов, которые продолжали угрожать оружием, но больше не кричали из уважения к своим вождям, послы проехали к белому шатру главного вождя, которого печенеги называли великим князем.

Печенежский князь оказался тучным белолицым мужчиной. Волосы у него были светлыми, необычными для степняка, а жирные плечи обтягивал полосатый шелковый халат. Если бы не железный шлем с перьями и сабля, заткнутая за серебряный пояс, его можно было бы принять за купца. Лют Свенельдович видел подобных купцов в Киеве, куда они приезжали с персидскими товарами. Князь возлежал на горе подушек, возле видели на корточках остальные вожди, а позади застыли свирепого вида телохранители с обнаженными мечами.

Дружинники внесли следом за послами подносы с дарами князя Святослава и, поставив их к ногам печенежского князя, тихо отступили за спину Люта Свенельдовича.

Великий князь печенегов скользнул рав-

нодушным взглядом по дорогим мехам, по золотым и серебряным чашам. Внимание его привлекли лишь доспехи и оружие: острокопечный русский шлем, кольчуга с панцирными пластинками на груди, прямой меч, булава с острыми шипами. Он шевельнул короткими волосатыми пальцами и подскочившие телохранители унесли оружие в глубину шатра. Остальные дары расхватали вожди.

Печенежский князь молча выслушал посольскую речь Люта Свенельдовича, переведенную Алком, и что-то шепнул невзрачному старичку в черной длинной одежде, сидевшему рядом с ложем. Старичок проворно вскочил на ноги и заговорил на языке славян:

— Великий князь из рода Ватана приветствует посла князя Святослава. Речь посла выслушана и дошла до сердца великого князя. Хазары такие враги печенегам, как руссам. Но решить, примкнут ли печенеги к походу, может только совет всех великих князей, чьи люди и стада кочуют по сию сторону Днепра. Ждите их слова. В юрте, куда вас проводят, вы найдете воду, пищу и безопасность.

Дружинники, кланяясь, попятились к вы-

ходу из шатра.

Великий печенежский князь по-прежнему сидел неподвижно, как истукан, и взгляд его был устремлен вверх, к круглому отверстию, через которое видно было голубое небо.

...Долгое ожидание утомляет не меньше, чем бесплодная погоня. А среди чужих людей, в душном полумраке незнакомого жилища, оно поистине иссушает душу и тело.

Три томительно долгие недели Лют Свенельдович и его спутники видели только бурый войлок юрты, тусклое пламя очага да хищные наконечники копий печенежской стражи, которые покачивались у входа. Часы сливались в непрерывную сонную череду, и лишь нити солнечных лучей, с трудом пробивавшиеся сквозь дыры в обшивке юрты, возвещали о приходе нового дня. Перед вечером молчаливые печенежские воины вволакивали большой медный котел с вареной бараниной, вносили бурдюки с водой и кобыльим молоком еду и питье на грядущий день. И только ночью, в полной темноте, послов выводили, окружив стражей, за пределы печенежского стана на прогулку. За три недели

послы узнали о жизни печенегов не больше, чем увидели в первый день...

Все на свете имеет конец. Пришел конец и печенежскому сидению. Послов снова привели в большой белый шатер. Трехнедельное ожидание завершилось разговором, который продолжался не дольше, чем требовалось проворному человеку, чтобы переобуться.

Тот же старичок в черной одежде произнес слова, сразу оправдавшие все труды и тревоги посольства:

«Великие князья из печенежских племен Ватана, Куеля, Маину и Ипая пришли к согласному решению воевать с хазарами. Пусть князь Святослав начнет, а печенеги поспешат к хазарским границам из тех мест, где их застанет известие о его походе. Да погибнут наши общие враги!»

Отъезд из печенежского стана показался Люту Свенельдовичу и его товарищам вызволением из подземной тюрьмы-поруба. Они жадно вдыхали степной воздух, жмурили отвыкшие от солнечного света глаза, горячили застоявшихся коней.

Домой! Домой!

Что может быть желаннее дороги к дому после таких ожиданий и опасностей?

А для Алка возвращение обернулось еще одной неожиданной радостью. На берегу речки Прони, ступив на русскую землю, десятник Вест вдруг сказал юноше:

— Будь побратимом мне!

Алка окружили дружинники — веселые, улыбающиеся. В серебряную чашу зачерпнули студеной пронской воды. Лют Свенельдович прикоснулся кончиком ножа к запястьям новых побратимов. Алые капли крови скатились в чашу, замутив прозрачную воду. Десятник Вест и Алк по очереди отпили из чаши: сначала старший побратим, за ним — младший, и Лют торжественно произнес:

— Брат за брата! Единым сердцем! Плечо в плечо! Стремя в стремя! Отныне и вечно!

Побратимы обменялись оружием и прошли, обнявшись, под склоненными копьями дружинников. Для отрока Алка это была дорога в дружинное братство.

8. ИТИЛЬ — ЖЕСТОКИЙ ГОРОД

О том, что пора сбить хазарский замок с Волжских ворот торговли с востоком, о том, что немочно терпеть больше хазарские разбои на границах, на Руси говорили давно. Пришло время превращать слова в действие.

Для всех людей, населявших соседние с Хазарией земли, Итиль был жестоким городом.

Сюда хазары приводили их в оковах и продавали на невольничьих рынках, как скот, иудейским и мусульманским купцам, и навечно пропадали страдальцы в неведомых землях.

Сюда на скрипучих двухколесных телегах привозили дань, собранную с подвластных народов безжалостными хазарскими тадунами[14].

Отсюда вырывались хищные ватаги хазарских всадников и, прокравшись по оврагам и долинам степных речек, обрушивались огнем и мечом на беззащитные земледельческие селения.

Опасность, угрожавшая со стороны Итиля, казалась соседям вечной и неизбежной, и только немногие, мудрые и дальновидные, уже догадывались, что сама Хазария тяжело больна, а награбленное чужое богатство придает ей лишь внешний блеск, но не исцеляет внутренние недуги.

Потом, после гибели Хазарии, люди станут гадать, когда и почему она покати́лась к упадку, теряя прежнюю силу и завоеванные земли.

Может, упадок Хазарии был предопределен с восьмого столетия, когда на нее напали арабы? Каган, правитель Хазарии, склонил голову перед чужеземной грозной силой, принял из рук халифа урезанную власть, отдал себя под защиту наемной гвардии мусульман-арсиев...

Может, удар Хазария получила не извне, а изнутри, в девятом столетии, когда против Кагана подняли мятеж своеправные хазарские беки? Могучий и честолюбивый бек Обадий объявил себя царем, а Каган превратился в почитаемого чернью, но безвластного затворника кирпичного дворца в центре Ити-

ля...

Может быть, роковую роль сыграла иудейская вера, к которой склонились беки? Она разъединила людей, оттолкнула от Хазарии могучего союзника Византию, разрушила связи с христианскими и мусульманскими странами...

А может, конец могущества Хазарии наступил позднее, в десятом столетии, когда начали таять, как весенний снег под жаркими лучами солнца, некогда огромные хазарские владения? Крым перешел под власть Византии. Степи между Волгой и Доном заняли печенеги. С востока наступали кочевники-гузы, и раскосые всадники на лохматых лошадях набегали на коренные хазарские области в низовьях Волги. Глухо роптали болгары, готовые поддержать любого врага Хазарии. Стремилась к самостоятельности вожди аланов в предгорьях Северного Кавказа. Владения Хазарии сжимались, как сохнувшая кожа, и в конце концов у нее остался небольшой треугольник степей между низовьями Волги и Дона и побережье Азовского моря. Жалкие остатки прежнего могущества...

А может, все перечисленное не причины, а только следствие упадка Хазарии? Может, настоящая причина совсем в другом — в самой сущности этого государства-грабителя, живущего чужим добром?

Хазария не создавала богатства, а лишь присваивала чужое. Хазары кормились и одевались за счет соседних народов, изнуряя их данями, разбойничьими набегами, торговыми пошлинами. В городе Итиле пересекались торговые пути, а самим хазарам нечего было предложить иноземным купцам, кроме рабов да белужьего клея. На рынках Итиля торговали болгарскими соболями, русскими бобрами и лисицами, мордовским медом, хорезмскими тканями, персидской посудой, византийским оружием. Из рук в руки переходили серебряные монеты с непонятными хазарам надписями.

Чужое, все чужое...

Не было даже своего народа.

В городе Итиле жили мусульмане, иудеи, христиане, язычники, неизвестно какой веры и какого племени пришельцы из дальних стран, привлеченные обманчивым блеском

богатства, которое текло мимо, не задерживаясь в Хазарии. Люди точно бы жили рядом, но не вместе — каждый по своей вере и по своим обычаям. Отдельными были базары, бани, кладбища. Как будто стены Итиля замкнули в свое кольцо несколько разных городов, и жители их понимали друг друга не лучше, чем пришельцы из дальних стран.

А для коренных хазар, кочевников и скотоводов, город Итиль был только местом временного обитания. С наступлением весны они уходили со своими юртами и стадами в степи, на знаменитые Черные земли в долине реки Маныча, к Дону и к Волге, и кочевали там до осени.

Станный, непонятный, проникнутый взаимной неприязнью и недоверием город...

Что же объединяло в одно государство — Хазарский каганат — всех этих разноязыких, разноплеменных, внутренне разобщенных людей?

Слепая вера во всемогущество Кагана, которому поклонялись, как живому богу и называли просто «Каган», не прибавляя имени. Божественная сила Кагана будто бы оберега-

ла Хазарию от бедствий.

Каган жил в большом кирпичном дворце, построенном на острове; с остальным городом остров соединялся только мостом, возле которого всегда стояла стража. Только управитель дворца — кендер-каган — и привратник-чаушиар удостоивались чести лицезреть Кагана. Даже царь, предводитель войска и полновластный правитель Хазарии, допускался во дворец лишь изредка. Остальным людям запрещалось приближаться к красным дворцовым стенам.

Только трижды в год Каган нарушал свое загадочное уединение. На белом коне он проезжал по улицам и площадям столицы, а позади ровными рядами следовали гвардейцы-арсии в кольчугах и чеканных нагрудниках, в железных шлемах, с копьями и кривыми мечами — все десять тысяч арсиев, составлявших наемное войско. Встречные падали ниц в дорожную пыль, будто ослепленные солнцем, закрывали глаза и не поднимали головы раньше, чем Каган проедет мимо. Ужасной была участь тех, кто осмеливался нарушить обычай, оскорбить божественного Кага-

на своим взглядом. Арсии пронзали дерзких копьями и оставляли лежать у дороги. Никто не осмеливался унести и похоронить их. Выбеленные солнцем кости так и оставались на обочине, и люди осторожно обходили их, ужасаясь дерзновенности поступка. Как можно осмелиться взглянуть в лицо Кагана?

Даже после своей смерти Каган оставался загадочным и недоступным. Никто не знал, где именно он похоронен. Для мертвого Кагана строили большой дворец за городом. В каждой из двадцати комнат дворца, одинаково украшенных шелковой парчой, рыли могилы. Самые близкие слуги Кагана вносили тело во дворец и плотно закрывали за собой дверь. Спустя некоторое время следом за ними входили молчаливые арсии с широкими секирами в руках и выкидывали за порог, к ногам потрясенной толпы, отрубленные головы слуг Кагана. Тогда люди могли пройти чередой по комнатам дворца, но могилы были уже зарыты, и никто не догадывался, где похоронен Каган.

Сколько бы не прошло лет, каждый путник обязан был склониться в поклоне перед

погребальным дворцом Кагана, а всадники спешили и шли, ведя в поводу коня, пока дворец не скрывался из глаз.

Вера в Кагана была требовательной и беспощадной.

Если дела в Хазарии шли хорошо, люди прославляли своего Кагана. Но если случалась засуха или поражение на войне, то знатные вельможи и чернь собирались толпами к дворцу царя и кричали: «Мы приписываем несчастье Кагану! Божественная сила Кагана ослабла, и он бесполезен для нас! Убей Кагана или отдай нам, мы сами его убьем!»

И Кагана убивали, если царь по какой-либо причине не брал его под защиту...

Нового Кагана выбирали из одной и той же знатной, но не очень богатой семьи. Хазары считали, что Каган, воспитанный в роскоши, не будет как следует заботиться о благосостоянии народа. Рассказывали, что на одном из рынков Итиля можно было увидеть молодого человека, продававшего хлеб, о котором знали, что это будущий Каган.

Вновь избранный Каган уединялся с царем и четыремя самыми могущественными ха-

зарскими беками в круглой комнате без окон, с узкой дверью, которую сторожили арсии с обнаженными мечами. Никто, кроме немногих избранных, не знал, что там происходило.

А происходило вот что: царь накидывал на шею нового Кагана шелковую петлю и сдавливал до тех пор, пока тот не начинал задыхаться, теряя сознание. Тогда беки хором спрашивали Кагана: «Сколько лет ты желаешь царствовать?» Полузадушенный Каган называл то или иное число лет, и только после этого его усаживали на золотой трон с балдахинном, воздавая высочайшие почести. Если Каган не умирал к назначенному им самим сроку, его убивали, ссылаясь на его же божественную волю. Если же Каган называл непомерно большое число лет, его все равно убивали по достижению сорокалетнего возраста. Хазары считали, что с годами ум ослабеваает, рассудок мутнеет, божественная сила становится меньше, и Каган больше не может приносить пользу.

Да, Итиль был жестоким городом. И к соседям, и к своим людям, и даже к божественному Кагану...

Но зло не может продолжаться вечно. Зло несет гибель в самом себе. Неостановимые часы истории отсчитывали последние месяцы Хазарии. В вятичских лесах собиралась очистительная гроза...

9. ИДУ НА ВЫ!

После возвращения из печенежских степей Алк стал гриднем телохранителем князя Святослава, так высоко оценил князь успехи посольства.

Обильными снегопадами, лесным морозным треском и метелями прошла северная зима. Наступила весна 965 года, канун хазарского похода Святослава.

Алк много узнал и передумал за это время. Мир его расширился за пределы родных лесов. В дружине князя Святослава собрались люди бывалые, много повидавшие, из разных земель и городов.

Из рассказов дружинников юноша узнал о славных русских городах Киеве и Новгороде, о неприветливой скалистой земле варягов[15], откуда выбегали на морские просторы хищные остроносые корабли грабителей и купцов, о Студеном море[16], над которым полгода стоит день, а полгода — ночь. И о теплых морях рассказывали дружинники, восхищаясь богатством Царьграда[17] и насмехаясь над высокомерием и лукавой лживостью ви-

зантийцев.

Дальние страны представлялись Алку в облике знакомых людей.

Земля варягов казалась ему похожей на злого, алчного Веремуда, мечтавшего только о добыче, а Византия — царьградского купца Антония, немощного, изнемогавшего после самого малого перехода, но взиравшего на всех окружающих со скрытым презрением, как на темных варваров. А Студеное море, наверно, походило на скуластого раба из неведомого северного народа весь, который старательно прятался от прямых солнечных лучей солнца и тянул бесконечную песню, тоскливую, как февральская метель...

Алк размышлял над огромностью и многообразием мира и верил, что Русь — середина мира, а все остальные земли вокруг нее, как шелестящие ветки вокруг ствола дерева, зыбкие и непостоянные. Здесь, на Руси, истинный корень жизни...

Как и остальные гридни-телохранители, Алк теперь постоянно был при князе, слушал его речи, приглядывался к нему, но так и не сумел до конца понять своего господина.

Сложным и противоречивым был князь Святослав, его слова и поступки порой казались непонятными, и только после долгих раздумий Алк улавливал какую-то внутреннюю последовательность, да и то не всегда.

В домашнем обиходе князь Святослав был прост. Ел из дружинного котла, а в походе довольствовался, как все воины, куском поджаренного на углях мяса. Одевался в простую белую рубаху. Голову часто оставлял непокрытой. Ходил босиком по утренней росе и громко свистел, подзывая коня. Гривней своих называл по именам, будто добрых товарищей. Поощряя отличившегося, с размаху хлопал тяжелой ладонью по плечу и весело смеялся, если кто не мог удержаться на ногах от этой могучей ласки. Любил сидеть вечерами у костра и слушать песни гуслиаров о подвигах предков.

Казалось, Святослав ничем не выделяется из дружины, что он не князь, а лишь уважаемый старший брат в дружинном сообществе, плоть от плоти его.

Но это только казалось...

Когда Святослав сдвигал брови и хмурился,

мгновенно замолкали вольные голоса. Отмеченные почетными боевыми шрамами дружинники боязливо пятились, не смея поднять глаза, и будто незримая стена выростала между ними и князем.

Неожиданными казались некоторые поступки Святослава, и Алк терялся в догадках, пытаясь осмыслить их.

Однажды к князю пришли вятичские старейшины с реки Пры — жаловаться на воеводу Асмуда. Воевода набирал там воинов, но некоторые молодые охотники спрятались в лесные убежища. Их долго искали, но все-таки нашли, а Асмуд приказал отрубить беглецам головы топором. «Они трусы, если избегают войны, — объяснил Асмуд старейшинам. — Трусы не нужны ни родичам, ни князю Святославу».

Все ожидали, что князь осудит жестокость своего воеводы, но Святослав поступил иначе. Он разгневался на старейшин и сказал:

— Асмуд выполнял мою волю. Пусть ваши роды соберут новых воинов, сколько было указано. Если опять не найдется храбрецов,

желающих идти на войну, я пошлю дружину прикажу убить всех мужчин, а женщин и детей продать в рабство болгарским купцам. Род, неспособный воспитать храбрых воинов, должен исчезнуть!

Многие тогда ужаснулись. Поползли по деревьям слухи о жестокости князя Святослава и осудили его вятичи. Но воинов старейшины стали посылать без задержки.

Значит, князь Святослав жесток?

Тогда как расценить вот это, к примеру?

По поляне мчатся конные дружинники. Их ждет Святослав с серебряным кубком в поднятой руке. Кто быстрее доскачет до князя тому и награда.

Под варягом Веремудом нечаянно споткнулся конь. Наездник, не удержавшись в седле, свалился на землю. Остервенелый, задыхающийся от ярости Веремуд принялся хлестать коня крученой ременной плетью — по голове, по глазам, по мягким губам. Конь испуганно ржал, приседая на задние ноги, но Веремуд крепко держал его за уздечку и бил, бил, бил.

Захрипев, конь завалился на бок.

Веремуд несколько раз ударил его сапогом в живот, выхватил нож... и упал, опрокинутый могучей рукой Святослава. В наступившей тишине прозвучали гневные слова князя:

— Кто по злобе истязает своего коня, недостойн садиться в воинское седло! Кто сегодня обидел своего коня, завтра предаст побратима! Гридни, гоните его плетями прочь!

И побежал Веремуд, втянув голову в плечи, и дружинники хлестали его плетями, пока он не скрылся в лесу. А Святослав склонился к умирающему коню, ласково гладил его ладонью по гриве, и Алку показалось, что в глазах у князя блеснули слезы...

Вспоминалось и другое.

Святослав заставил целый день и еще ночь ожидать у своей избы вождей сильного племени гузов, а потом выслушал их, коленопреклоненных, высокомерно и безразлично, будто не вожди перед ним, а жалкие рабы, прах земной.

Святослав без чести выгнал с пира знатного боярина Гуда только за то, что осмелился боярин прежде князя поднять заздравный ку-

бок, нарушая обычай. Гридни сорвали с боярина бобровую боярскую шапку и почетную серебряную гривну и вытолкали за дверь.

Значит, князь Святослав высокомерен?

Тогда почему он прост и ласков с дружиной и многими другими обыкновенными людьми?

Почему, не допустив к себе послов болгарского царя, он приветливо беседовал с кормчими[18], которые пришли проситься к нему на службу? Бедно одетые, неловкие в движениях и в словах, речные люди казались чернью, недостойной внимания князя, а Святослав обласкал их...

Почему?

Не сразу уразумел Алк, что простота князя неразрывна с величием, что они едины, и это единство олицетворяет сущность самой Руси, где люди не разъединены так, как случилось в других начавших уже дряхлеть странах. Разве осмелился бы византиец, веками воспитанный в унижении перед высшей властью, просто заговорить с императором? И разве императору свободное общение с обыкновенными людьми не показалось бы крушением

основ империи? На Руси — иное.

Люди были вчерашними свободными землевладельцами, охотниками или воинами родовых дружин, и их предводитель не мог быть иным, чем князь Святослав. Мудрость Святослава как раз в том и заключалась, что он оставался простым и понятным людям, не теряя величия, был грозным, не опускаясь до бессмысленной жестокости, и при этом всегда оставался самим собой, потому что человек, не имеющий своего лица, не внушает уважения.

Алк считал, что служить такому князю — счастье.

Наверное, Святославу чем-то понравился молодой вятич, и он часто беседовал с новым гриднем, расспрашивал об обычаях вятичей, о земле, на которой жили эти лесные люди. Если Алк затруднялся с ответом, поучал без осуждения:

— Не знаешь, так и скажи. Не оскверняй уста ложью из желания угодить. Спроси лучше знающих людей, а потом расскажи. Любопытное знание добудет, а лживый и ленивый, если знает — забудет. Ленивых и лжи-

вых не люблю....

Однажды, остановившись у коричневого торфяного озера, Святослав сказал задумчиво:

— К воде меня тянет. Чтобы много было воды. В Днепре много воды, в вашей Оке тоже, но вода бегущая, неласковая. Здесь вода стоячая, темная, недобрая. До теплого моря хочу дойти, до синей воды, где плавали ладьи отца моего, князя Игоря Старого. И не путником мимоезжим прийти к морю, но стать на берегах его крепко...

Алк не нашелся, что ответить. Князь ничего вроде не спрашивает, раздумывает вслух. Но слова о теплом море словно вошли в душу, и юноша выпалил звонко, по-ребячьи:

— Я тоже хочу, чтобы было теплое море!

Святослав рассмеялся. Ему вторил воевода Свенельд, упершись ладонями в бока и расклевываясь от смеха всем грузным телом. Смущенный Алк опустил глаза.

— Если ты, княже, прикажешь...

— А что? Может и прикажу, — вдруг серьезно сказал Святослав и повернулся к вое-

воде. — Слышишь, воевода, о чем отрок мечтает? Подальше глядит, чем иные седобородые мужи. Иные ведь думают, что сверну яшею хазарскому царю и обратно в леса упрячусь. Знаешь ты таких недомысленных мужей, воевода?..

— Как не знать, княже! А имена им... — И воевода Свенельд замолчал, оглянувшись на Алка.

Алк поспешно отбежал на десяток шагов: понял, что между князем и воеводой начнется тайный разговор, который не должны слышать даже ближние гридни-телохранители.

За последнее время таких разговоров было много. Войско готовилось к весеннему походу на Хазарию.

По большой вешней воде из Киева и Новгорода пригнали множество ладей, так что может и не понадобится болгарская помощь. Печенеги привели из Дикого Поля многотысячные табуны степных коней. В конные дружины Святослав звал всех, кто умел держаться в седле, невзирая на род и достаток, если у кого не было оружия — давали из княжеских запасов. С утра до позднего вечера на лесных

полянах слышался топот копыт, звон оружия, повелительные крики десятников и сотников. Новые дружины обучались ратному делу. Не было уже отдельных ратей полян, северян, радимичей, кривичей, древлян, дреговичей и вятичей — было единое Войско Русское, и главой всему войску был князь Святослав Игоревич.

Крепкие сторожевые заставы перегородили все дороги и тропы на границе Дикого Поля и на Оке, чтобы в Итиль не проскользнул ни конный, ни пеший лазутчик. Ни к чему знать хазарскому царю о готовности войска. Когда придет время князь Святослав сам оповестит о походе. А пока пусть нежатся хазарские правители в награбленном богатстве, пересчитывая мзду с торговых караванов. Как весенний гром будет для них поход князя Святослава!

И, наконец, этот день наступил. Князь Святослав напутствовал гонца, который отправлялся к хазарскому царю:

— Лишних слов перед хазарами не говори. За многими словами — малая сила, за немногими громкими словами — сила великая.

Сильный прошепчет, а слышат все. А крика слабого только заяц испугается, да и то потому, что отроду пуганый. Всего три слова передашь царю: «Иду на вы!» Сказав молчи. Смертью грозить будет, молчи. Помни: в молчании твоём — сила...

— Исполню, как велишь, княже! — поклонился гонец.

Алк смотрел на посла с почтительным удивлением. На верную смерть отправляется, рубаху перепоясал черным похоронным поясом, а лицом весел, невозмутим. Меча у гонца не было, только короткий нож за пояс заткнут, чтобы самого себя до сердца достать, если придет крайний случай. Немыслимого мужества и жертвенности человек. По нему хазары о всем русском воинстве судить будут. Не на посольский разговор отправляется гонец — на смертельный поединок. Доблесть хазарам показать, чтобы поколебать их дух еще до битвы.

Гонец двинулся к двери, тяжело ступая сапогами по сосновым доскам пола, будто память о себе навечно вколачивая. Потянулись из избы воеводы и бояре-советчики. Возле

княжеского кресла остались только гридни.

Гридни-телохранители всегда при князе. Игорь Старый этот обычай завел, а Святослав посчитал полезным сохранить. Понадобятся зачем-нибудь гридни — вот они, они рядом. А если ненадобны, то будто и нет их, столь молчаливы и ненавязчивы. Как копья, прислоненные до поры к стене...

— Эй, отрок! — обратился вдруг князь к Алку. — Замечал я, что смышленный ты. Угадай, зачем я хазарского царя о походе сам упреждаю?

— Не ведаю, княже... — Поступок князя был ему действительно непонятен. Всем известна воинская мудрость: нападай внезапно, не давай врагу изготовиться к войне, тогда твой верх. А князь Святослав сам извещает хазарского царя о походе. Должен быть в этом какой-то смысл, князь ничего без смысла не делает...

— Не ведаешь? — улыбнулся Святослав. — Не один ты, многие в недоумении. А догадаться просто. Сам поразмышляй, намного ли опередит гонец идущее следом войско?

— На неделю, наверно, — предположил

Алк.

— А сумеет царь за неделю новое войско набрать, вооружить и обучить?

— Нет, думаю.

— И я так думаю, — согласился Святослав. — Что есть под рукой, то и выведет на битву. Но трепет у него в душе от нашей дерзости будет великий. Решит царь, что безмерно сильны мы, если сами о походе предупредили. Того мне и нужно.

Гридни с восхищением слушали князя, а тот расхаживая по избе, рассуждал дальше:

— Всех воинов, что есть у хазарского царя, хочу одним ударом сразить. А что получится, если царь не успеет всех собрать? Разбредутся кто куда, разыскивай их потом по степям. Лучше гонца послать: собирайтесь-ка вместе, а я не замедлю, приду. Так-то вот, отроки!

Под ликующие трубные возгласы отплывала судовая рать, ратники-пешцы. Путь ей предстоял неблизкий, но привольный: вниз по великой реке Волге до самых низовьев, где на островах, образованных волжскими протоками, притаилась за глиняными стенами столица Хазарии — город Итиль.

Конные дружины пошли к Итилю прямым ходом, через печенежские степи. По дороге к ним присоединялись со своими ордами печенежские князья, заранее оповещенные гонцами о начале похода.

Грозным и неудержимым было движение войска князя Святослава. Его тяжелая поступь спугнула сонный покой хазарской столицы.

10. ТРЕВОГИ ЦАРЯ ИОСИФА

Прозрачным майским утром, которое отличалось от других разве что тем, что накануне был большой торг и усталые горожане крепче обычного спали в своих жилищах, к воротам Итиля подъехали всадники, забарабанили древками копий.

Сонный стражник выглянул в бойницу воротной башни и кубарем скатился вниз. Промедление было опасно, перед воротами ждал сам царь Иосиф, царь Хазарии и многих соседних земель.

Медленно, со скрипом отворились городские ворота. Стражники склонили копья, приветствуя царя. В почтительно прикрытых глазах стражников любопытство, тревога. Неожиданное возвращение царя в столицу было непонятным и пугающим. Лишь дела чрезвычайной важности могли оторвать царя Иосифа от милых его сердцу весенних степей, где буйно поднималась свежая трава, струи ручьев и речек еще сохраняли прохладу, а солнце не пекло, но ласкало кожу...

Что это были за дела, можно только гадать.

Кто из смертных осмелится расспрашивать гром, почему он гремит или молнию, почему она огненной стрелой проносится по небу?..

Час был ранний, улицы пустынные. Только благочестивые старцы, для которых многие прожитые десятилетия сократили время сна до короткого забытья, брели к храмам на утреннюю молитву, да ночные сторожа дремали на перекрестках, опершись на древки копий. Но старцы отрешены от земных забот и не любопытны, а сторожа молчаливы, и в городе мало кто узнал о возвращении царя.

Царь Иосиф равнодушно скользил взглядом по жилищам ремесленников из войлока и дерева, похожим на юрты, по купеческим глинобитным домам, прятавшимся за глиняными же заборами, по приземистым с плоскими кровлями и крохотными оконцами, караван-сараям. Постройки были присыпаны желтой пылью, казались унылыми и безликими. Скучный город, постылый город..

Иосиф представил на мгновение зеленую праздничность весенних степей, прохладные струи Маныча, синие дымки костров между юртами, опьяняющий запах свежей барани-

ны и тяжело вздохнул. Проклятая жизнь, ни дня покоя...

Улица спускалась к протоке Волги, которая делила город на две части Итиль и Хазар. Посредине протоки, на песчаном острове, высился кирпичный дворец Кагана, окруженный малыми дворцами, садами и виноградниками. Это был город в городе, недоступный для простых людей. Возле моста стояли вооруженные арсии. Иосиф спешил, бросил поводья арсию, пошел по скрипучим, зыбко вздрагивавшим доскам моста. Внизу катилась желтоватая, будто тоже припорошенная пылью, вода.

Площадь, выложенная известковыми плитами, а за ней дворец Кагана, поражающий своей громадностью. Выше были только минареты некоторых мечетей, но они торчали, как древки копий, а дворец загораживал полнеба. Все, что окружало дворец, казалось ничтожно малым. Жилище, достойное равного богам...

Даже царь Иосиф, пересекая площадь, испытывал непонятную робость. Для него не было тайн во дворце, да и сам Каган был вы-

бран из числа безликих и безвольных родителей прошлого владельца дворца по его указке, но сейчас Иосиф чувствовал себя ничтожным и униженным, ступал по белым плитам осторожно, будто опасаясь нарушить звуком шагов величавый покой дворцовой площади.

У высоких дверей, украшенных золотыми и серебряными бляхами, царь положил на ступени меч, стянул сапоги из мягкой зеленой кожи и выпрямился, босой и смиренный. Приоткрылось оконце, прорезанное в дверях:

- Кто нарушил покой равного богам?
- Иосиф, слуга богов.
- Что ищет слуга богов у равного богам?
- Совета и благословения.
- Пусть ищущий войдет...

Двери бесшумно отворились и царь Иосиф шагнул в полумрак дворцового коридора. Молчаливые арсии в золоченых кольчугах с маленькими топориками в руках сопровождали его. Влажные плиты пола неприятно холодили босые подошвы. Струйки дыма от пылающих факелов ползли, как змеи, к сводчатому потолку.

У порога тронного зала Иосифа остановил

привратник-чаушиар. Он коротко поклонился, поднес к жаровне палочку пропитанного благовониями пальмового дерева. Царь благоговейно подержал в руке горящую палочку и вернул чаушиару. Таков был обычай: хазары верили, что огонь очищает и освобождает от недобрых мыслей, а перед лицом Кагана совесть человека должна быть прозрачной, как горный хрусталь...

— Войди и припади к источнику мудрости! — разрешил наконец чаушиар.

Золотой трон Кагана стоял посередине большого круглого зала. Над троном висел балдахин из алого индийского шелка с золотыми тяжелыми кистями. Лучи утреннего солнца, проходя сквозь длинные окна, полосами расцветили ковер на полу. Торжественная тишина царила в зале.

Царь Иосиф трижды поклонился пустому трону, упал ниц и не поднимал головы, пока не услышал негромкий певучий звон: управитель дворца кендер-каган ударил молоточком по серебряному диску.

— Жаждающий совета может приблизиться! Иосиф на коленях пополз к трону. Когда до

его подножия осталось пять шагов, снова раздался серебряный звон и царь поднял голову. Он увидел Кагана.

Высокая шапка Кагана, сплошь вышитая золотом, поблескивала множеством драгоценных камней, рукава белого одеяния спускались почти до пола. У Кагана было безбородое, бледное от постоянного затворничества лицо, глаза прикрыты набрякшими веками. Что-то отрешенное, неземное было в лице Кагана, как будто он, вознесенный на немыслимую высоту, уже не способен испытывать волнения и страсти, свойственные простым смертным, мир утратил для него всякий интерес, и Каган всматривается только в самого себя, отыскивая в себе непостижимую ни для кого мудрость...

— О, равный богам! — начал царь Иосиф. — Пусть не покажется дерзким известие, нарушившее твой покой! От северного правителя князя Святослава приехал гонец с угрожающими словами. Святослав сказал: «Иду на вы!» Призови свою божественную силу, защити Хазарию, ибо войско у Святослава сильное. Вели рабам своим взяться за оружие.

Благослови их на победу!

Каган медленно склонил голову.

— Слово твое услышано и одобрено, — торжественно возгласил кендер-каган. — Божественная сила Кагана с тобой, царь Иосиф. Да постигнет врагов злая смерть и забвение потомков! Да обратятся они в пепел, сдуваемый ветром твоей славы!

Иосиф снова опустился на колени и пополз к двери. Обычай был соблюден. Каган устами своего первого слуги произнес благословляющее слово. Теперь судьба Хазарии вручалась царю, а кагану оставалось молить богов и ждать исхода войны. И придет к Кагану безмерное восхищение и благодарность народа в случае победы. Или смерть, если не поможет его божественная сила.

Над башней дворца смуглолицые арсии подняли на шесте большой золотой круг. Блеск золота можно было видеть со всех концов города. Гулко ударяли барабаны. Заревели большие медные трубы, пробуждая дремавший город. Великий Каган сзывал в войско подданных своих, невзирая на племя их, достаток и вероисповедание. Ослушников

ждала неминуемая казнь.

Забурлил, заволновался Итиль. Толпы людей заполнили улицы и площади. Муллы и раввины, священники и языческие жрецы призывали своих единоверцев к войне с возгордившимися руссами, осмелившимися обнажить меч против священного города Кагана. Городские власти ставили на перекрестках виселицы — для вразумления тех, кто не внимлет призывающим словам.

Хазары-кочевники собирались возле юрт на окраине города и ждали слова родовых вождей. С большинством своих людей они уже ушли в степи, на весенние пастбища. За ними срочно послали гонцов, но скоро ли они найдут кочевья в бескрайних степях? И захотят ли кочевые беки, известные своим своевольством, спешить на помощь царю?

Тревожно, ох как тревожно было на душе у царя Иосифа! Наступал час расплаты и за чрезмерное властолюбие, оскорбляющее беков, и за невыносимую тяжесть налогов, на которые роптали горожане, и за разбойничьи набеги на соседние народы.

Но только ли его, царя Иосифа, в этом ви-

на?

Так поступали все прежние цари, а Хазария гордо стояла на рубеже Европы и Азии, внушая страх врагам, и жители ее, разъединенные жизненными судьбами и религиями, тем не менее покорно собирались под золотое солнце Кагана!

Почему же так тревожно теперь? Или времена переменялись?

Из разрозненных славянских племен сложилась могучая держава — Русь. Заходит солнце Хазарии.

Только через неделю, когда на равнине перед городскими воротами собралось для смотра хазарское войско, царь Иосиф немного успокоился.

Нет, у него еще достаточно силы, чтобы отразить любого врага!

Десять тысяч отборных всадников-арсиев, закованных в блестящую броню, застыли стройными рядами. Перед каждой сотней арсиев развевался на бамбуковом шесте зеленый стяг.

Грозно стояло пешее ополчение, тоже одетое в железные доспехи. Итиль — богатый го-

род, в купеческих амбарах и караван-сараях нашлось достаточно оружия для всех способных носить его. На плечах ополченцев лежали заостренные колья, из которых в любом месте можно было за считанные минуты составить неприступный колючий частокол.

А вокруг кипело, перемешиваясь в клубах пыли, потрясая луками и короткими копьями, множество легковооруженных хазарских всадников. Кочевые беки все-таки привели свою конницу и теперь смиренно стояли возле царя Иосифа.

Казалось, забыты прежние обиды и все подданные Кагана, как в старые добрые времена, сплотились перед лицом грозной опасности. Но насколько прочным будет это объединение, могла проверить только битва...

Измученные, почерневшие от недосыпания царские писцы едва успевали заносить в свои книги прибывавших воинов, и их число уже приближалось к заветной цифре — пятьдесят тысяч. Войско множилось на глазах и царь Иосиф без прежнего трепета выслушивал известия о приближении по Волге русской судовой рати, а по степям — русской и

печенежской конниц.

На военном совете было решено не утомлять хазарское войско длинными переходами и сражаться здесь, под самыми стенами Итиля.

11. БИТВА ПРИ ИТИЛЕ

Царь Иосиф считал самыми искусными воителями мусульман-арабов и перед сражением выстроил свое войско по арабскому образцу, в четыре боевых линии.

Первая линия — «утро псового лая». Она называлась так потому, что состояла из конных лучников, которые, как охотничьи псы, должны были смелыми наскоками и ливнем стрел раздражить противника, заставить его расстроить ряды. В эту линию царь Иосиф поставил кара-хазар[19], быстрых наездников, пастухов и табунщиков, жилистых, злых, со смуглыми лицами и множеством туго заплетенных косичек, которые свешивались из-под войлочных колпаков. Кара-хазары не носили доспехов, чтобы не стеснять движений, и были вооружены луками и дротиками.

Вторая линия — «день помощи». Она как бы подпирала конных лучников и составлялась из тяжеловооруженных всадников, одетых в кольчуги, железные нагрудники, шлемы. Длинные копья и мечи, палицы и боевые топоры составляли ее вооружение. Тяжелая

конница всей своей массой обрушивалась на врага, уже ошеломленного лихими наскоками кара-хазар. Здесь у царя Иосифа были поставлены дружины беков, белые хазары — рослые, плечистые, гордые прошлыми заслугами и почетным правом служить в отборной панцирной коннице.

Но если и «день помощи» не добивался успеха, то вся конница расходилась в стороны и пропускала вперед третью боевую линию — «вечер потрясения». Пешие ратники этой линии, бесчисленные, как камыши в дельте Волги, стояли стеной, опустившись на одно колено и прикрываясь щитами. Древки своих длинных копий они упирали в землю, а острия склоняли в сторону противника. Преодолеть эту колючую изгородь было не легче, чем добраться голым пальцем до кожи ежа. Нападающие истекали кровью в бесплодных атаках, а потом на них, ослабевших и упавших духом, снова обрушивалась с флангов панцирная конница.

Наконец, позади всех ждала своего часа последняя боевая линия, которую арабы называли «знамя пророка», а хазары — «солнце

Кагана». Здесь, возле большого золотого круга, изображавшего солнце, собиралась наемная гвардия мусульман-арсиев.

Арсиев берегли. Они вступали в бой только при крайней необходимости. Зато им доставалась львиная доля добычи. Они вырубали дамасскими мечами и бегущих врагов, и своих же воинов, если те, дрогнув, начинали отступать. Арсии были последней надеждой царя Иосифа, они не знали пощады и не ждали ее от врага. Верность и жизнь их были давно оплачены царским золотом...

Окруженный железными рядами арсиев, царь Иосиф стоял на помосте под золотым кругом и смотрел, как впереди, на зеленой равнине, разворачивается для боя войско князя Святослава.

Руссы приближались медленно и царю показалось, даже, что они намеренно оттягивают начало битвы. Не устранился ли князь Святослав, узрев перед собой столь многочисленное и грозное войско? Не завяжет ли переговоры? Можно посулить серебра и товаров, чтобы руссы искали добычу в других землях. Разумнее пожертвовать частью богатства,

чем рисковать всем. Может, и князь Свято-слав думает так же?

Даже самому себе царь Иосиф боялся признаться, что мысли эти были порождены неуверенностью в войске. Когда он утром объезжал ряды хазарской конницы и пехоты, воины встречали царя угрюмо и обреченно. На их лицах не было той восторженной готовности к самопожертвованию, без которой невозможно добыть победу. Хазарское войско показалось царю похожим на дерево, с виду могучее, но на самом деле уже надломленное, готовое рухнуть от бури.

Только арсии были спокойны и бесстрашны. Для них, потомственных воинов, война была просто работой, пусть опасной, но — работой. Ничего другого они делать не умели и будут сражаться, как разъяренные быки.

Иосиф подумал, что не следует бросать их в сечу: в случае чего, они прикроют бегство царя. Подумал — и ужаснулся. Неужели это предчувствие поражения?

А пешие руссы медленно приближались, вытягиваясь клином. На острие клина шли богатырского роста воины в железных панци-

рях и шлемах, глубоко надвинутых на брови: живот, бедра и даже голени у воинов были обтянуты мелкой кольчужной сеткой, непроницаемой для стрел. Руки в железных рукавицах сжимали устрашающе большие секиры. Вправо и влево от дружины богатырей-секироносцев — сплошные линии длинных красных щитов, прикрывавших пеших руссов почти целиком. Над щитами поблескивали острия копий.

На крыльях русского войска неторопливо двигалась конница: справа светлая, переливающаяся железом дружинных доспехов: слева, ближе к Волге черная, зловещая. Царь Иосиф догадался, что это печенеги. С печенегами хазары умели воевать и знали, что они быстры, но не стойки в рукопашном бою. Но пока рано думать о печенегах. Главное — пешая рать руссов. Если сокрушить пешую рать, печенеги сами разлетятся, как брызги от брошенного в лужу камня...

Царь Иосиф поднял вверх обе руки.

Арсии вскинули копья и разом испустили грозный боевой клич, от которого качнулся золотой круг над головой царя. Заревели мед-

ные трубы, возвещая о начале битвы.

Завизжали, завыли кара-хазары, подобно гончим псам рванулись на русский строй, натянули луки. Непрерывным весенним ливнем полились оперенные железом стрелы.

Руссы продолжали идти мерным тяжелым шагом, от которого вздрагивала земля. В строю не было заметно павших, только щиты обрастали щетиной вонзившихся стрел. «Утро псового лая» минуло бесполезно.

Снова затрубили хазарские медные трубы. Повинуясь их зову, мимо расступившихся конных лучников промчались белые хазары, все сокрушающий «день помощи». Звеня доспехами, тяжелая конница докатилась до красных русских щитов и остановилась, словно натолкнувшись на крепостную стену. Задние всадники напирали на передних, а те пятились от колючей изгороди копий.

Все смешалось. Белые хазары кружились на месте, не в силах прорвать строй руссов и уже не в состоянии вырваться из схватки. Медленно поднимались и опускались огромные секиры руссов. Хазарские шлемы раскалывались, не выдерживая сокрушительных

ударов. Кучки всадников вырывались из сечи, скакали, нахлестывая коней, подальше от страшного русского клина. «День помощи» рассыпался на глазах. Царь Иосиф с ужасом понял, что первых двух линий у него уже нет, что рассеянную конницу больше не собрать и не бросить вперед, ей едва под силу сдерживать печенегов и конных дружинников князя Святослава, если они пытаются окружить царское царское войско.

Иосиф думал только о том, как бы продержаться до темноты и укрыть остатки войска за городскими стенами. Пехотинцы «вечера потрясений» должны остановить руссов, остановить во что бы то ни стало!

Но клин русского войска вонзился в толпу хазарских пехотинцев неожиданно легко, как топор в вязкую глину. Сначала шла сеча грудь в грудь, в которой побеждает тот, кто сильнее духом. В тесноте воины отбрасывали бесполезные копья и сражались мечами, топорами, кинжалами. Перешагивая через чужих и своих павших, поскользываясь на мокрой от крови траве, выкрикивая хриплыми голосами боевые призывы, руссы напирали, и

царь Иосиф почувствовал, что «ветер потрясенный» долго не выстоит.

Тогда Иосиф решился на последнее, отчаянное средство — послал гонца за Каганом, чтобы равный богам лично воодушевил воинов и устрасил врагов.

Каган выехал из ворот Итиля на белом коне. Чаушиар и кендер-каган держали над ним большой шелковый зонтик, чтобы ни один луч солнца не упал на божественное лицо. Многокрасочная, как весенний луг, следовала за своим повелителем свита. Шествие замыкали двадцать пять жен Кагана, каждая на отдельном, богато украшенном верблюде.

В свите Кагана было так много нарядных всадников, драгоценности вельмож и оружие телохранителей так ослепительно блестели на солнце, что князю Святославу показалось: на помощь хазарам спешит из города новая отборная рать.

Святослав поманил пальцем Алка и приказал:

— Скачи к печенежскому князю Идару! Пусть воины Идара преградят дорогу тем хазарам и прогонят их обратно в город!

Алк, гордый ответственным поручением, помчался к реке, где в зарослях была спрятана засадная печенежская рать. Ей не велено было выходить без особого приказа.

Князь Идар был нисколько не огорчен этим. Он спокойно возлежал на ковре в окружении своих старейшин. Рабы разливали из бурдюка кобылье молоко и с поклонами подносили деревянные чашки. Идар прихлебывал холодное молоко лениво и безмятежно, как будто рядом кипела не жестокая битва, а мирно паслись стада. О чем ему тревожиться? Добычу приносит не битва, а преследование разбитого врага. В преследовании свежие кони и не утомившиеся в сече воины князя Идара будут первыми...

Когда Алк, нетерпеливый, запыхавшийся, еще не опомнившийся от бешеной скачки, прыгнул с коня у края кровли, Идар встретил его без особой радости. Заставил выпить чашку молока и только потом выслушал приказ князя Святослава. Лениво поднялся, подбежавшие рабы помогли своему князю усесться в седло.

— Храбрые воины! Бой ждет вас! — пове-

лительно прокричал Идар.

Затрещали ветки. Печенежские всадники высыпали из зарослей и с воинственными криками устремились следом за князем Идаром и русским дружинником Алком.

Огибая сражавшихся, Алк направил коня к равнине между хазарским войском и городом, по которой медленно шествовал Каган.

Бег печенежской конницы казался неудержимым, вот-вот она захлестнет свиту Кагана. Но случилось неожиданное...

Каган остановился. Остановилась и его свита, спокойно разглядывая приближающихся печенегов, как будто Каган был щитом, прикрывшим от опасности всех сопровождавших его людей.

— Каган! Это Каган! — вдруг испуганно завопил князь Идар.

Он натянул уздечку, и послушный конь встал как вкопанный. Идар скатился с седла и упал ничком в траву. На глазах изумленного Алка печенежские всадники, мгновение назад свирепые и неудержимые, последовали примеру своего князя. Они бросали оружие и ложились, уткнувшись лбами в землю. Сле-

пая вера в божественную силу Кагана, о которой они столько слышали, лишила печенегов воли. Преклонение перед Каганом оказалось сильнее страха смерти, и печенеги безропотно ложились под копыта хазарских коней.

Так вот на что надеялся царь Иосиф, призывая Кагана на поле битвы!

А Каган продолжал свое неторопливое шествие, он был уже совсем недалеко от Алка. Из всего конного отряда, скакавшего наперерез Кагану, Алк один остался в седле, в окружении печенежских коней, которые беспокойно ржали, переступали с ноги на ногу возле своих расprostертых на земле хозяев.

Ободренные хазарские воины радостно кричали:

— Каган! Каган! С нами божественный Каган!

Сразу что-то изменилось на поле битвы. Пешие хазарские воины яростнее взмахивали мечами и топорами, теснее смыкали ряды. Конница белых хазар собиралась вместе, готовясь к новой атаке.

«Что делать? — лихорадочно думал Алк. — Как задержать помощь из города? Князь Свя-

тослав понадеялся на меня, а я обманываю его доверие!»

Юноша будто наяву представил, как ободренные хазары бросаются на его товарищей, как пятятся под напором воины в родных остроконечных шлемах, как князь Святослав спрашивает воевод, почему отрок Алк не привел печенегов... Представил и даже застонал от бессилия...

Алк не испытывал, подобно печенегам, суеверного страха перед Каганом. Для вятичей боги были понятными и доступными, как люди. Богов можно было просить о помощи, принося им жертвы. Но деревянных идолов можно было и наказать, отхлестав прутьями или выкинуть из избы на мороз, если они плохо помогали людям!

И Алк сделал то, на что никогда не осмелился бы ни один человек в здешних степях: в руках у него оказался лук, на тетиву привычно легла черная боевая стрела и, зазвенев, полетела прямо в лицо Кагана.

Взмахнув длинными руками, Каган вывалился из седла. Чаушиар и кендер-каган склонились над своим поверженным живым бо-

гом. Каган лежал на спине, черная стрела вонзилась между бровей и капли крови скапывались по переносице в остекленевшие глаза.

Божественный Каган был мертв!

Приближенные, в отчаянии раздирая ногтями щеки, завывали:

— Горе! Горе! Каган ушел от нас! Закатилось солнце Хазарии!

Рассыпались и обратились в беспорядочное бегство телохранители и слуги.

Высоко вскидывая голенастые ноги, затрусили к городским воротам верблюды с женами Кагана.

Горестная весть дошла до хазарского воинства. Воины пешей рати дрогнули, опустили оружие, покорно склонили головы под мечи и топоры набегавших руссов. Каган убит, божественная сила отступилась от Хазарии, стоило ли продлевать агонию бесполезным сопротивлением?

Войска больше не было — была толпа растерявшихся, упавших духом людей, которых теснили и избивали руссы.

Летучие отряды печенегов окружили поле

битвы. Но хазары не помышляли о бегстве. Что значила их смерть по сравнению со смертью Кагана?

Только царь Иосиф с конными арсиями ринулся на прорыв и, потеряв множество воинов, ускакал-таки в степь. Печенеги долго преследовали их, осыпая стрелами. Тела арсиев усеяли дорогу бегства, но сам Иосиф с остатками своей гвардии скрылся. Ночь, покровительница беглецов, спасла его от смерти.

Русское войско осталось ночевать на поле битвы. Запылали огромные костры, в которые воины Святослава подбрасывали колья, будто специально для этого принесенные на поле хазарскими пехотинцами; потом в костры полетели и древки хазарских копий.

Звенели, разбрызгивая рубиновое аланское вино, серебряные кубки. Бурдюки с вином принесли на поле тоже сами хазары, чтобы взбодриться перед битвой, но вино стало добычей победителей.

Гремели над полем победные песни и даже раненые подтягивали слабыми, прерывистыми голосами. Сладок пир на костях повержен-

ного врага! Нет лучше гризны[20] павшим товарищам!

Слава храбрым, отличившимся в бою!

Слава князю-воителю Святославу!..

Немало дружинников и русских пешцев из судовой рати получило в ту ночь почетные серебряные гривны из рук князя. Святослав был весел и щедр, смех его разносился далеко вокруг, и воины тоже смеялись и пели, и поднимали чаши, и дарили друг другу взятое в бою оружие, хазарских коней, дорогие одежды.

Слава! Слава! Слава!

Алк тоже принял из рук князя почетную серебряную гривну, а вместе с ней — новое поручение. Князь Святослав сказал своему удачному ближнему дружиннику:

— Царь Иосиф убежал и скрылся, как волк в ночи. Догони и возьми его. С тобой поедут дружинники на самых резвых конях и печенеги князя Идара. Сотник Вест будет слушаться тебя...

— Десятник... — робко поправил князя Алк.

— Сотник Вест! — повторил Святослав. —

Был десятник, а после сегодняшнего боя — сотник. Как ты — был княжим отроком, а отныне можешь величаться княжим мужем! Дождись рассвета — и в добрый путь!

12. ПОГОНЯ

В степи вокруг Итиля осталось много следов.

Здесь прошли, собираясь под золотым кругом Кагана, воины из хазарских кочевий. Потом здесь же прокатилась лавина печенежских всадников, союзников князя Святослава, оставив за собой широкие полосы вытоптанной копытами травы.

Однако следы царя Иосифа и его спутников преследователи нашли без труда. Степняки не подковывают своих коней, а породистые аргамаки[21] царской свиты несли на всех четырех копытах железные подковы; глубокие вмятины от шипов отмечали их путь.

Потом начали попадаться и другие следы поспешного бегства: брошенное в траву дорогое оружие, издохшие кони под нарядными седлами, распростертые на земле раненые и убитые арсии в золоченых кольчугах.

Печенеги князя Идара, присоединившиеся к погоне, коршунами бросались на них, добивали раненых, сдирали с убитых доспехи, ру-

бахи из цветного шелка, сафьяновые сапожки с острыми каблуками.

Русские дружинники смотрели на этот разбой насмешливо и презрительно. Не к лицу рыцарю обирать павших, даже врагов, его дело сражаться в честном бою!

А над степью висело безмятежное, прозрачно-голубое небо, еще не замутненное летним пыльным маревом. Ветер пробежал по траве, и степь колыхалась, будто море, бесконечно длинными волнами. В такую весеннюю благодать хотелось наслаждаться созерцанием красоты природы, а не нестись сломя голову за чужими всадниками, которых никто из преследователей не знал и не имел причины лично ненавидеть, но которых непременно нужно догнать и убить. Такова уж судьба воина...

Алк глубоко вздохнул.

Ехавший рядом князь Идар, неправильно истолковавший вздох юноши, только что отмеченного великим подвигом и княжеской милостью, поспешил успокоить его:

— Не горюй, догоним царя. Царь и слуги его на аргамаках, быстрых, но не таких вы-

носливых, как наши кони...

— Не о том я... — тихо сказал Алк. — Глянь вокруг, красота-то какая...

Князь Идар недоуменно оглянулся.

Степь, как степь. Травы много. Высокая трава, сочная. От такой травы скот округляется, жирком заплывет. Хорошо! Воды еще много, в каждой лощинке стоит вода, колодцев искать не надо. Тоже хорошо! Солнце не палит зноем, лишь теплом ласкает. Под весенним солнцем ехать по степи хорошо! Но красота-то при чем? Да и зачем воину красота? Что он, женщина?

Совсем непонятно было князю Идару, чем восхищается молодой русский храбрец, осмелившийся поднять руку на самого Кагана и поразивший его стрелой, как дичь. Не зная, что ответить своему спутнику, но не желая и обижать его молчанием, князь Идар кряхтел неопределенно:

— Красота... Да, красота... — И тут же переводил разговор на другое, достойное внимания предводителя княжеской дружины:

— К полудню аргамаки царя задохнуться от долгой скачки. Им понадобится отдых, и

неоднократный. Думаю, к вечеру царь Иосиф будет в наших руках....

Но опытный в погонях печенежский князь ошибся.

В степи между Доном и Волгою еще бродили хазарские кочевья. Взрослые воины ушли к Итилю, но при табунах и стадах остались старики, подростки и женщины. Царь Иосиф нашел здесь пищу, целебный настой из степных трав для раненых и ослабевших, а главное — свежих коней.

В первом же кочевье спутники царя Иосифа бросили измученных аргамаков и пересели на выносливых степных жеребцов; следом под бдительным присмотром арсиев двигались табуном запасные кони.

Так поступал царь Иосиф и в других кочевьях: бросал усталых коней и забирал свежих. Он двигался почти неостановочно. Дружинники и печенеги князя Идара всюду заставляли одно и то же: хазары, стоящие возле войлочных юрт, угрюмо молчали или слезно жаловались на царя, который забрал лучших коней, не отблагодарив хозяев даже маленькой серебряной монеткой. А силой воспрепятство-

вать они не могли: взрослые воины еще не вернулись...

Кочевники охотно показывали, в какую сторону удалился царь со своими людьми. Считали, загибая пальцы, сколько часов назад он покинул кочевье. Видно хазары-кочевники не больно-то любили своего правителя!

Выходило, что, несмотря на спешку, преследователи не приближались к беглецам, царь Иосиф неизменно опережал на половину дня пути.

Ночевали прямо в степи, под удивительно яркими и близкими звездами, подложив под головы седла и укрывшись попонами. Костров не разжигали. Да и коротки были ночлеги. На рассвете, наскоро перекусив копченым мясом, которое печенеги везли в переметных суммах, дружинники и воины князя Идара седлали коней и продолжали погоду.

Князь Идар был весел и уверен в успехе. Он убеждал Алка, что царю негде спрятаться. Впереди река Дон, а за ней кочуют печенеги. Только безумец решиться войти в землю печенегов, ибо там ждет беглецов неминуемая смерть.

— Теперь уже скоро, — говорил Идар. — Закатный ветер пахнет речной водой, царю Иосифу думать надо, куда повернуть коней. Крепко думать! Только две дороги у него осталось: на полдень, к морю, и к северной стороне — на Саркел...

Царь Иосиф повернул на север, к Саркелу.

Саркел по-хазарски означает «Белый дом».

Свое название Саркел перенял у старой хазарской крепости, которая была построена на другом берегу Дона действительно из белоснежного камня-известняка. Старая крепость давно разрушилась, обломки ее заросли колючей степной травой, а вот название осталось в памяти людей. Когда на левом берегу Дона построили новую крепость, название Саркел осталось ей как бы в наследство.

В новом Саркеле не было ничего, чтобы оправдывало старое название. Стены крепости были сложены из красно-бурых квадратных кирпичей. Шестнадцать башен, как зубы сказочного дракона, угрожающе поднимались над стенами. Еще две башни, самые высокие и мощные, стояли внутри крепости. Оттуда стража следила за степью. Ночью на

башнях зажигали костры, чтобы путники могли и в темноте найти крепость.

Но попасть в крепость было нелегко. Она отгородилась от степи не только крепостными стенами, но и водой. С трех сторон мыс, на котором стоял Саркел, омывался волнами реки, а с четвертой — восточной стороны были выкопаны два широких и глубоких рва, тоже наполненных водой.

Что-то чужое, нездешнее было в облике Саркела.

Хазары-кочевники говорили о Саркеле с суеверным страхом и старались по возможности не приближаться к его стенам цвета запекшейся крови.

Как ненасытное чудовище, Саркел поглощал целые стада быков и баранов, длинные обозы с хлебом и другими припасами, тысячи бурдюков с кобыльим молоком и вином, взамен выплескивая в степь только летучие отряды свирепых царских наемников — гузов.

Как торчащая заноза, торчал Саркел в зеленом теле степей — зловещий, непонятный, ненужный населявшим эту степь людям...

Крепость Саркел подняли из земли често-

любивые замыслы хазарского царя, но осуществили эти замыслы не сами хазары, а пришельцы — византийцы. По просьбе царя византийский император Феофил прислал своих зодчих и мастеров, которые построили крепость по привычному византийскому образцу.

В Саркеле селились разноплеменные, разноречивые, отчужденные друг от друга люди: болгары, буртасы, иудеи. А за внутренней стеной, в цитадели, стояли гарнизоном триста наемников-гузов. Царь не доверял собственному народу. Хазар-кочевников допускали в крепость только днем, в небольшом числе, и оружие они должны были оставлять возле воротной башни. И наемникам-гузам царь тоже не очень-то доверял, заменял гарнизон ежегодно, чтобы не успела созреть измена.

Жизнь в Саркеле текла уныло и однообразно.

Мастера-ремесленники копошились в своих темных землянках, крутили гончарные круги, выстукивали молотками по наковальням, дубили в чанах вонючие кожи.

Уличные торговцы раскладывали прямо

на земле свои нехитрые товары и дремали, присев на корточки, прислонившись спиной к стене.

А в цитадели рядом с домами стояли войлочные юрты гузов. Кочевники сохраняли свой образ жизни, варили пищу в котлах над кострами, тянули свои заунывные, грустные песни. Только за хорошую плату они соглашались запереться в эти тесные для степняков каменные стены.

Наместником Саркела всегда назначался близкий родственник царя, младший брат или племянник. Хазарские беки говорили с обидой, что не Хазарии принадлежит крепость, а лично царю. В этом была большая доля правды. Царь Иосиф смотрел на Саркел как на последнее убежище в случае смертельной опасности. Здесь он хотел отсидеться под защитой крепких каменных стен и верного гарнизона, пока князь Святослав не покинет Хазарии. Потом можно попытаться сложить из обломков некое величественное здание державы Кагана. Главное — выиграть время...

Царь Иосиф выиграл бешеную гонку по степи. Тяжелые, окованные железными поло-

сами ворота Саркела захлопнулись за спиной царя раньше, чем погоня успела добежать до внешнего рва.

Князь Идар переломил и с досадой швырнул на землю свою плеть. Плеть, которая не сумела взбодрить коня настолько, чтобы он догнал врага, недостойна висеть на руке воина!

Потом печенежский князь уселся на ковер, раскинутый слугами на возвышенном месте поодаль от города, и принялся неторопливо отхлебывать из чаши кобылье молоко, показывая своим безразличием, что дело свое он сделал, безошибочно привел погоню по следам царя, а остальное его не касается. Печенеги штурмовать каменные стены не привыкли, пусть руссы сами думают, как поступать...

Алк и Вест подъехали к краю верхнего рва. Под ногами лениво покачивалась мутная вода. Через мост перекинут узкий, в три доски, мостик — едва конному проехать. Дальше, за половину перестрела, желтел обмазанный глиной откос внутреннего рва, а за ним крепостная стена с зубцами, с квадратными башнями.

— Неладно вышло, — задумчиво проговорил Вест. — Твердыня эта нам не по зубам. Опоздали.

— Может поговорить с хазарами? — предложил Алк. — Так, мол, и так, цареву войско побито, следом за нами придет князь Святослав тогда крепости конец. Пусть выдадут царя, если хотят сохранить жизнь...

Вест в сомнении покачал головой. Но Алк уже направил коня к мостику.

Конь осторожно ступал по качавшимся доскам, испуганно косился на стоячую воду. Копыта негромко постукивали по дереву, и этот стук был единственным звуком, нарушавшим тишину. Молчали дружинники, стоявшие за внешним рвом. Безмолвной и зловещей была крепость.

Когда Алк переехал мостик, между зубцами стены поднялись головы в лохматых меховых шапках. Широкие бурые лица гузов почти сливались с мехом, узкие глаза казались издали черными черточками.

Алк поднял обе руки вверх, показывая, что приехал с мирными намерениями. Закричал по-печенежски, надеясь, что в степях, погра-

ничных с печенежскими кочевьями, люди понимают этот язык:

— Храбрые воины Саркела! Князь Свято-слав побил хазарское войско. Великий город Итиль пал к его ногам. Каган принял смерть на поле битвы и больше не защитит вас. Выдайте нам царя Иосифа и мы уйдем!

Яростно, негодуяще взвыли гузы на стене. В Алка полетели стрелы. Прикрываясь щитом, он пятился к мостику. Стрела вонзилась в шею коня. Алк выдернул ноги из стремян, отпрыгнул в сторону, чтобы падающий конь не придавил его, и на миг опустил свой щит. Тотчас стрелы гузов ударили в грудь, в плечо, в правую руку выше локтя. Железная кольчуга спасла жизнь юноше, лишь одна стрела скользнула по бедру, не прикрытому доспехами. Прихрамывая, Алк перебежал мостик и упал на руки товарищей.

Подошел князь Идар, посмотрел, как дружинники перевязывают рану чистой тряпичей, проворчал недовольно:

— Почему меня не спросил? Разве не знаешь: гузы, будто хищные звери, на всех кидаются? Разве с ними можно разговаривать?

Нехорошо, нехорошо...

Потом Алк лежал в шатре и слушал, как сотник Вест и князь Идар, словно состязаясь в рвении и воинской опытности, распоряжаются началом осады.

Против всех воротных башен Саркела встали сторожевые заставы, были поставлены частоколы из заостренных кольев, чтобы помешать всадникам-гузам делать вылазки.

Гонцы князя Идара поехали на другую сторону Дона и вернулись из печенежских кочевий с большими телегами. Составленные рядом, телеги окружили весь Саркел. За ними притаились печенежские лучники.

Осажденным некуда было деваться, но осаждающие не могли взойти на крепкие стены города. Осада Саркела оказалась долгой и изнурительной.

Весенняя прохлада давно сменилась летним зноем, а Саркел стоял. У Веста и Алка дружинников было немного, штурмовать с такой горсткой крепость было чистым безумием. А печенеги лезть на стены просто отказывались.

Алк послал гонца за помощью, но гонец

привез лишь строгий наказ князя Святослава: «Сторожить царя крепко и ждать!..»

Потянулись дни и недели томительного осадного сидения.

...Потом, когда закончится, наконец, осада Саркела, это время останется в памяти Алка беспросветной тоской, сплошным черным провалом.

Войлочные стены юрты — единственное место, где можно спрятаться от жгучего солнца...

Пыльные вихри в степи...

Смрадный чад печенежских костров — деревья в степи не было и в костры бросали сухой навоз.

Непереносимый трупный смрад — умерших жителей Саркела тузы сбрасывали со стены в городской ров....

Щемящие сердце, грустные песни дружинников...

И бездействие, томительное и иссушающее душу. Лениво лежать в юрте и жевать давленное мясо, как это делал князь Идар, юноше было невмоготу.

Алк не понимал еще, что ни удачный по-

лет стрелы, ни азартная погоня и даже не яростное самозабвение битвы превращает юношу в настоящего мужчину, а вот такое длительное испытание стойкости, терпения и силы духа...

Наступила осень — самое невеселое время в степях.

Пожелтевшая трава звенела, как выкованная из меди.

Обмелевший Дон обнажил песчаные отмели, и, когда задувал ветер, мелкий белый песок струился, как речная вода.

Над Саркелом кружились коршуны, их было так много, что казалось, стервятники слетелись в это страшное место со всего Дикого Поля.

Князь Идар жаловался, что коней нечем кормить, что пора кочевать дальше на север, где в низинах еще сохранилась трава. Алкуговаривал его подождать, пугал гневом князя Святослава. Идар уходил недовольный и каждый раз повторял, что эта отсрочка — последняя: он не может рисковать табунами, слабеют кони и помирают...

Худо было осаждающим, но защитникам

Саркела — еще хуже. Наемники-гузы давно съели своих коней и теперь варили в котлах сырые кожи, благо в амбарах кожевников оказались большие запасы. Колодцы в крепости почти пересохли, а добывать воду из близкого Дона удавалось редко: тропинки к реке сторожили лучники князя Идара. Люди в осажденном Саркеле тоскливо смотрели на безоблачное небо, молили богов о благодатном дожде. Тщетно! Однажды небо нахмурилось тучами, но дождь пролился за Доном, будто в насмешку обронив на пыльной городской площади несколько крупных капель.

Царь Иосиф заперся в высокой башне, которая стояла посередине цитадели. Возле узких, всегда запертых дверей, прорезанных в кирпичной толще, стояли свирепого вида арсии. Остальные горожане давно иссохли от голода и жажды, а усатые лица арсиев лоснились, могучие плечи распирали кольца доспехов. Это казалось удивительным: иссыта-сытые, здоровые!

Немногие в Саркеле знали, что в глубоких подвалах башни еще сохранились запасы пищи и вино в больших глиняных кувшинах.

Тяготы осады не коснулись царя Иосифа и его верных телохранителей.

Царская башня была крепостью в крепости, со своим гарнизоном и со своими запасами. Иосиф надеялся, что она выдержит приступ, если даже руссы ворвутся за крепостные стены Саркела. Стены башни были толстыми и крепкими, бойницы так узки, что сквозь них не сумел бы протиснуться даже ребенок, а крутые лестницы, которые вели наверх, к жилищу царя, легко защищать даже немногим воинам. Руссы захлебнуться в крови, если попробуют штурмовать башню. А до нее ведь еще две мощные стены — внутренняя и наружная — да два рва. Только бы продержаться до морозов. Зимовать под крепостью руссы не будут, уйдут.

Перед заходом солнца Иосиф выходил на верхнюю площадку башни и стоял, прямой и неподвижный, в белой длинной одежде, пока солнце не скрывалось за горизонтом.

Защитники Саркела верили, что царь беседует с богами, и надеялись на чудо, и эта надежда поддерживала их решимость обороняться.

А на что надеялся сам Иосиф? Чего он ждал?

На этот вопрос мог ответить только он сам, но в крепости не было человека, который бы осмелился спросить царя.

Обитатели жилищ внешнего города и войлочных юрт цитадели страдали от голода и жажды, умирали от ран, изнемогали в несменяемых караулах у бойниц и тоже чего-то ждали. Может, смерти, ибо ничто, кроме смерти, не могло избавить людей от нестерпимых мучений осады.

13. МУДРОСТЬ ПОЛКОВОДЦА

Молчаливые дружины руссов вошли в Итиль на следующее утро после битвы. Они миновали глинобитные жилища западной части города, где зимой жили кочевые беки со своими родичами и рабами, а летом по пустым улицам, заросшим пыльной, скудной травой, бродили верблюды и овцы. Не здесь было главное богатство Итиля, а на острове, где были дворцы Кагана и его приближенных, и на другом берегу — в Хазаре, который еще называли Сарашек, то есть Желтый город, место обитания купцов, рынков и складов с товарами.

Возле наплавного моста уже не было сторожевых арсиев. Небольшой отряд наемников преградил дорогу руссам только на площади перед дворцом. Не рассудок, но отчаяние вывело их под русские мечи. Короткая схватка и последние защитники Итиля легли на каменные плиты. Руссы вырубали секирами двери дворца и ворвались внутрь.

Целый караван верблюдов, тяжело нагруженных золотом, серебром, драгоценными камнями, дорогим оружием и амфорами с редкостными винами, привел в стан князя Святослава воевода Свенельд, которому было доверено собрать лучшую добычу. Дружинники вывозили добро из купеческих амбаров и караван-сараев, из домов богатых горожан.

А когда руссы покинули город, в Итиль ворвались буйные орды печенегов. Они грабили все подряд. Всадники в черных шапках рассыпались по улицам, вламывались в жилища, убивали жителей трехгранными кривыми мечами, тащили на волосяных арканах пленников. Город окутался дымом пожаров. Князь Святослав расплатился со своими временными союзниками хазарским добром!

Потом впереди русского войска полетит добрая молва о том, что князь руссов беспощаден только к врагам, не убивает мирных жителей и не берет последнего, и другие хазарские города предпочтут сдаваться без боя, чтобы их не отдавали на растерзание свирепым печенегам...

А поход продолжался. От разоренного пе-

ченегами Итиля руссы пошли дальше на юг, к древней столице Хазарии — Семендеру. Здесь, в предгорьях Северного Кавказа, жили оседлые люди, разводили сады и виноградники, сеяли хлеб. В Семендере был свой царь, по имени Селифан, он подчинялся хазарам, но имел своих вельмож, свое войско и свои крепости, и хазары не входили в его владения, довольствуясь данью и покорностью.

Царь Селифан дерзнул встретить руссов с оружием в руках и потерпел сокрушительное поражение. Остатки его войска рассеялись по укрепленным поселкам; таких поселков, обнесенных каменными стенами, здесь было много, потому что завоеватели неоднократно приходили в эту страну. Беззащитный Семендер сдался на милость победителей.

Князю Святославу город не понравился. Жалкие постройки в виде шатров из жердей, переплетенных камышом и обмазанных глиной... Хищные минареты мечетей... Бурые караван-сарай... Пыльные вихри на площадях... Душный зной и зловоние из переполненных нечистотами рвов... Бедно одетые униженные люди...

Вельможи и богатые горожане бежали в горы, увозя во вьюках и на двухколесных повозках, запряженных волами, все ценности. Раздосадованный Святослав отдал Семендер печенегам.

Стремительно пролетели дни, но еще стремительнее было движение войска Святослава через земли аланов и касогов, жителей предгорий.

Взята копьем сильная крепость Семикара, построенная хазарами для защиты сухопутной дороги к устью реки Дона.

Вперед! Только вперед!

Нечастые дневки на берегах речек и у степных колодцев почти не задерживали войско. Одни дружины отдыхали, другие продолжали двигаться вперед, расчищая путь мечами и копьями и захватывая свежих коней для обоза. Близился край коренных хазарских владений. Ночные ветры уже приносили соленый запах моря.

Когда от жителей прибрежных городов Тмутаракани и Карчева приехали тайные послы, князь Святослав объявил своим воеводам:

— Война окончилась. Впереди земля, жители которой не хотят быть нашими врагами. Пора вложить меч в ножны и проявить к людям милость...

И это была правда. Разноязыкое и разноплеменное население приморских городов лишь вынужденно терпело власть хазарского царя. Хазарские гарнизоны сидели за стенами цитаделей, окруженные морем ненависти. В князе Святославе горожане видели избавителя от хазарского ярма и готовы были подняться с оружием в руках против своих угнетателей.

Князь Святослав отослал обратно в степи своих союзников-печенегов и дальше двигался один.

А в городе Тмутаракани уже разгорелось пламя мятежа. По темным улицам, прячась от стражи, перебегали закутанные в плащи люди. Из-за саманных заборов слышался скрежет стали о точильные камни. В храм Иоанна Предтечи собрались городские старейшины. Ненависть к хазарам объединила всех, а приукрашенные людской молвой рассказы о непобедимости русского войска все-

ляли уверенность в успехе.

Тмутараканский тадун, извещенный соглядатаями о недовольстве горожан, решил покинуть город. Из цитадели выехали всадники с факелами в руках. Хазары швыряли факелы на крыши домов, убивали жителей, пытающихся тушить пожары. Сплошное зарево поднялось над городом.

Навстречу русскому войску понеслись, загоня насмерть коней, гонцы от старейшин гибнувшего города: «Спаси, князь! Поспеси в Тмутаракань!»

Но русское войско опоздало. Хазарский гарнизон успел переправиться на другую сторону пролива, где в городе Корчеве тоже была цитадель и тоже сидел хазарский тадун.

Князя Святослава встретили толпы рыдающих тмутараканцев в прожженных одеждах, с набрякшими от крови повязками на свежих ранах. Воздевая руки к небу, они проклинали хазар. Многие изъявляли желание тут же взяться за оружие, чтобы помочь руссам изгнать хазарского тадуна из Корчева.

Через пролив переправилась отборная дружина воеводы Свенельда, но в штурме ей

не пришлось участвовать. Вооруженные горожане со всех сторон окружили Корчев, привезли камнеметные машины и множество лестниц. С отчаянной храбростью горожане полезли на стены. К вечеру ни одного живого хазарина не осталось в Корчеве. Не осталось и мертвых: их тела были сброшены в городской ров на съедение бродячим псам. Отрубленные головы двух тадунов — тмутараканского и корчевского привезли князю Святославу.

Руссы, не приближаясь к огнедышащим стенам Тмутаракани, разбили свои станы в окрестных селениях и садах, которых было много вокруг города. Омывали усталые, растертые кольчугами до кровавых ссадин, тела в ласковых водах Сурожского моря[22]. В огромных количествах поглощали вареную баранину и фрукты, принесенными благодарными тмутараканцами. Как будто не на чужбину, а на родную землю пришло войско. Наступило время отдыха от ратных трудов, время пиров и мирной торговли. Тмутараканские и корчевские купцы, еще вчера с яростными воплями карабкавшиеся на стены ци-

тадели, теперь звенели серебром в кожаных кошелях, раскидывали перед дружинниками драгоценные греческие паволоки, щедро наливали в кубки темное вино из узкогорлых амфор.

Мирное небо голубело на Сурожским морем, и князь Святослав даже не подозревал, какой переполох вызвали его победы над хазарами, какие устрашающие слухи опередили суровую поступь воинов. Смятение было и в Царьграде, и в Багдаде, и фьордах Скандинавии.

Архонт руссов Святослав вышел к Босфору Киммерийскому[23], благоденствие херсонской фемы[24] зависит лишь от его доброй воли!..

Железнобокая конница эмира северных народов Святослава в неделе пути от кавказских перевалов и некому преградить ей дорогу во владения арабского халифата!

Конунг Святослав собирает ладьи и скоро все море станет опасным для варяжских торговых караванов!

Святослав выбирает, на кого обрушить меч!..

Святослав, Святослав, Святослав...

Грозное имя русского князя звучало летом 965 года на многих языках, его произносили с тревогой и ненавистью, с восхищением и надеждой, но никогда — равнодушно. Князь Святослав казался воплощением могучей силы, которая вдребезги разнесла обветшалое здание Хазарского каганата и теперь готовилась к новому прыжку.

Но куда?

Вожди кочевых племен и наместники земледельческих областей, стратеги византийских фем и императорские сановники, мусульманские визири и прославленные полководцы арабского халифата ловили слухи о князе Святославе, подсылали соглядатаев, составляли про запас посольские встречи, готовили караваны с богатыми дарами на случай мира и полки на случай войны.

Но больше всего их интересовал сам русский князь, неожиданно вознесшийся на вершину воинской славы. Они расспрашивали очевидцев о словах и поступках Святослава, прикидывали, как использовать его возможные слабости, чтобы повернуть дело себе на

пользу. Даже за внешней простотой, которой, по слухам, отличался предводитель руссов, подозревали какой-то скрытый смысл. Гадали, к какой религии склоняется князь. Казалось, все взяли на заметку опытные вершители государственных дел, даже то, что князь Святослав был молод, очень молод — в лето хазарского похода ему исполнилось всего двадцать три года. А это возраст, когда чувства еще властвуют над разумом...

Представлялось вероятным, что юный предводитель руссов поведет войско в сказочно богатую Таврику[25], где среди вечной зелени нежатся на берегу теплого моря белые города, где сады отяжелели от фруктов, а неслучайные отары овец сползают по горным склонам в долины. Разве можно удержаться при виде такого незащищенного богатства?

Таврический путь князя Святослава казался единственно возможным и даже неизбежным, как ливень, который следует за черной тучей...

Но они ошиблись, эти многомудрые мужи, угадыватели чужих мыслей и похитители чужих тайн, и причина их ошибки коренилась

в непонимании самой сути хазарского похода. К Босфору Киммерийскому пришел не лихой стяжатель добычи, а предводитель войска великой державы, и его стремительный бросок на Хазарию был лишь началом единого сабельного взмаха, который прочертит широкий полукруг от Каспия до Дуная. Не о сиюминутной выгоде думал Святослав, остановивший войско на пороге Таврики, но о будущих великих походах. Ворваться в Таврику значило воевать с Византийской империей, а время для этого не пришло. Недавние завоевания требовали укрепления.

Еще сидел за кирпичными стенами Саркела царь Иосиф, помышлявший сложить на обломках Хазарии новый каганат. С опаской поглядывали вятичи на невредимый Саркел, который они называли «Белая Вежа» и который по-прежнему казался им символом хазарского могущества. Что значили для вятичей победы на Волге и на Северном Кавказе? Лишь негромкое эхо этих побед доносилось до вятичских лесов. А Саркел был рядом и там сидел хазарский царь!

Только падение Саркела развеяло бы по-

следнюю веру вятичей в силу хазар. Самому Святославу взятие степной крепости не сулило ни достойной добычи, ни славы — что это значило по сравнению с недавними громкими победами! Но все-таки Саркел нужно было брать и князь Святослав повернул свое войско на север.

Он уходил из Тмутаракани, оставляя позади себя не кровь, не дым пожаров и не проклятия, а благодарную память жителей. Добрые семена доверия и дружбы, посеянные в тмутараканской земле, прорастут щедрой нивой. Поднимется на берегу Сурожского моря еще одно русское княжество и будут там править князья русского рода...

14. ШТУРМ САРКЕЛА

На исходе сентября, когда к теплому морю потянулись первые журавлиные стаи, в русский стан под Саркелом приехал гонец из стана Святослава. Он передал долгожданные слова князя: «Ладьи построены, войско готово к походу. Скоро буду сам!»

Много было радости в дружине. Приближался конец осады. Гонец сказал, что на ладьи погружены камнемётные орудия, перед которыми не устоят никакие стены.

Камнемётные орудия — катапульты[26] были изготовлены искусными византийскими мастерами. Византийцы, озабоченные безопасностью своих владений в Таврике, искали дружбы князя Святослава и были готовы на любые услуги. Первой пришла, опередив судовой караван князя Святослава, большая конная рать воеводы Люта Свенельдовича. Алк вздохнул с облегчением, кончилось их с Вестом воеводство под стенами проклятого Саркела, тяжкий груз ответственности перекладывался на другие более сильные и опытные плечи!

Лют Свенельдович был настоящий военачальник, не то что добродушный силач Вест. Воин он отважный и товарищ хороший, но не воевода. Вест с самого начала объявил: «Драться нужно — вот он я! Всегда готовый! А от начальствований меня освободи, побратим. Не по мне это дело...»

Алк даже обиделся на побратима, но потом понял, что нельзя требовать от человека того, чего нет. Сила-то у Веста богатырская, но ум не быстрый. Каждый на свой лад красен...

Однако думать одному за всю дружину было нелегко, и Алк искренне обрадовался воеводе Люту.

Гузы тоскливо смотрели сквозь бойницы, как надвигается из степи на город многочисленная конница, как растут возле стен Саркела воинские станы. Они больше не кричали и не пускали стрелы, даже если любопытные дружинники из новоприбывших подъезжали к стенам совсем близко. Видно защитники Саркела чувствовали приближение конца и берегли стрелы для последнего боя.

С ликующими трубными возгласами, развевающимися стягами подплывала к Саркелу

судовая рать князя Святослава. Все осадное войско столпилось на донском берегу, оставив возле воротной башни небольшую сторожевую заставу. Вылазки из города уже не опасались — не до того гузам. Видят, поди, как по реке надвигается неминуемая гибель!

Воинские ладьи плыли величественно и грозно.

Алк вспомнил свое сторожевание на Оке и поразился несхожести тогдашних и нынешних чувств. Тогда были страх и враждебность, теперь горделивая радость, счастливое приобщение к этой могучей силе...

Не дожидаясь, когда гридни перекинут на берег мостки, с большой нарядной ладьи спрыгнул князь Святослав, пошел, разбрызгивая воду красными сапогами к воеводе Люту и Алку. Князь был без доспехов, в просторной белой рубахе до колен: ветер шевелил длинный локон волос на его непокрытой голове.

Князь почти не изменился с того времени, как Алк видел его в последний раз под Итилем, только лицо его больше загорело, стало почти коричневым, и еще ярче выделялись на нем голубые глаза. Он по-прежнему носил

серьгу с жемчужинами и рубином, но теперь к ней прибавилась золотая цепь на шее. Алк узнал потом, что эту цепь подарили князю благодарные жители Тмутаракани.

— Ну как, воевода? — весело спросил князь, повернувшись к удивленному таким обращением Алку. — Не упустил царя-то? На том спасибо. Кончилось твое сидение под Саркелом.

Да, осадное сидение кончилось!

Прибытие князя Святослава словно прогнало из дружины сонную одурь. Застучали топоры плотников, ладивших штурмовые лестницы. Печенеги под присмотром русских десятников растаскивали заграждение из телег, открывая проходы для приступа.

Византийские мастера в коротких синих кафтанах хлопотали возле катапульт, прилаживали к деревянным рамам упругие канаты, сплетенные из воловьих жил, натягивали рычаги.

Дружинники ставили на колеса большой деревянный сруб, обтянутый сырой кожей — «черепашу». Сырые кожи должны были убе- речь боевую машину от хазарских горячих

стрел. Внутри «черепахи» висело на цепях тяжелое дубовое бревно, окованное железом — таран.

Тысячи людей, русских ратников и печенегов, подносили землю в мешках, корзинах, а то и просто в шапках — засыпали ров. Как по ровному полю, поползет к Саркелу страшная своей неуязвимостью «черепаха», и воины, спрятавшиеся внутри, будут долбить тараном крепостные ворота.

Вечером ратники искупались в прохладной речной воде, переоделись в чистые рубахи. Утром — приступ!

Штурм Саркела поразил Алка осмысленностью и четкостью движений войска.

Первыми к стене побежали цепи лучников, осыпая врагов стрелами. Едва меж зубцами стен или в бойнице показывалась лохматая шапка гуза, туда летело несколько смертоносных стрел, и защитники города не могли как следует прицелиться в набегавших со штурмовыми лестницами пещцев.

Лестницы густо облепили стену, по ним взбирались наверх воины с мечами и топорами, а у подножия стены ждали своей очереди.

ди другие воины, прикрываясь от камней и стрел большими щитами.

«Черепаха» уткнулась в проем воротной башни. Тяжелые удары тарана сотрясали башню, крошились железные полосы на воротах, летели щепки от толстых дубовых брусьев. Ворота гнулись и расползались щелями.

А за «черепахой» уже стояла конная княжеская дружина, ожидая, когда наконец рухнут ворота и можно будет ворваться в крепость. Честь первыми ворваться в город была доверена самым храбрым воинам. Среди них был сотник княжеской дружины вятич Алк.

Но первыми в Саркеле оказались не княжеские дружинники, а пешие ратники, которые забрались по лестницам на стену. Они захватили башню и изнутри откинули засовы.

Бой разгорелся на узких улочках внешнего города. Гузы молча падали под ударами мечей и копий. Они не просили пощады. Сами не щадившие никого, они считали, что побежденный не достоин жить...

Только немногие гузы успели добежать до внутренней стены и укрыться в цитадели.

И все повторилось снова.

Пешие лучники натянули свои луки, поражая стрелков на гребне стены. Пешцы прислонили к стене лестницы и полезли наверх; выставив вперед мечи, они протискивались между зубцов и исчезали в цитадели. Затихал, удаляясь, шум боя. Распахнулись ворота, отомкнутые изнутри. Дружинники в конном строю въехали в цитадель.

Оставалась только высокая башня — последнее убежище царя Иосифа. Княжеские дружинники спешили и медленно пошли вперед. Навстречу им летели стрелы; не короткие и толстые стрелы гузов, а длинные, с хищными зубринами на остриях — оружие арсиев. Дружинники подняли щиты над головами и под их прикрытием начали долбить топорами дверь.

Алк тоже бросил уздечку кому-то из пешцев и, расталкивая толпу дружинников, приблизился к башне. И — вовремя! Дружинники разом нажали и тяжестью своих тел, обтянутых кольчугами, выдавили остатки дверей и ворвались в башню. Алка кто-то толкнул в спину, он не удержался на ногах и упал голо-

вой вперед в темноту.

Над ним скрежетала сталь, раздавались хриплые возгласы сражавшихся, стоны. Кто-то больно наступил сапогом на правую руку, Алк невольно разжал пальцы, меч откатился. Он шарил рукой по каменным плитам пола и никак не мог найти рукоятку своего меча. С трудом отполз к стене, поднялся, прижимаясь спиной к осклизлым холодным камням. Глаза постепенно привыкали к полумраку.

Дружинники, взмахивая мечами и топорами, теснили арсиев вверх по узкой лестнице. То один, то другой скатывался по ступеням вниз, на груды тел, уже лежавших у подножия лестницы. Но через разбитые двери протискивались и спешили на помощь новые дружинники.

Алк подхватил оброненный меч и тоже бросился в сечу.

Шаг за шагом, переступая через павших товарищей, скользя на мокрых от крови ступеньках, дружинники поднимались наверх.

Первая площадка башни, вторая... Арсиев было не очень много, но в тесноте численное превосходство не давало штурмовавшим пре-

имущества. В узких переходах и поворотах лестницы могли сражаться плечом к плечу не больше двух воинов, а остальные, напирая и толка в спины, только мешали им свободно действовать оружием.

Третья площадка, четвертая...

Алк оказался лицом к лицу с усатым, свирепого вида арсием — все дружинники, ворвавшиеся прежде Алка в башню, уже лежали на ступеньках лестницы.

Меч арсия скользнул по кольчуге юноши. Поднять руку для следующего удара арсий не успел: пригнувшись, Алк боднул своим остроконечным шлемом в усатое, хищно оскаленное лицо врага.

Сам он тоже не удержался на ногах, упал на колени и сжался, ожидая смертельного удара. Но удара не последовало. Лестница впереди была пуста. Неужели он убил последнего защитника царя Иосифа?

Еще несколько крутых ступеней, поворот...

Последняя площадка башни!

Бойницы здесь были шире, чем внизу, и солнечные лучи свободно проходили сквозь них, освещая красивый ковер на полу, яркие

шелковые подушки на широкой постели под балдахинном.

Алк догадался, что здесь было жилище царя.

Но где он сам?

В углу, загораживая спиной узкую дверь, замер тучный старик в богатом халате. Он что-то закричал пронзительным голосом, негодуяще взмахнул руками, будто отгоняя Алка и ворвавшихся следом за ним дружинников.

Алк отшвырнул старика в сторону, ударил сапогом в дверь.

Дверь бесшумно открылась.

Еще одна лестница, совсем узкая, каменные стены касаются плеч.

А потом прямо в глаза ударило ослепительное солнце — Алк был на вершине башни. Шагах в десяти, между двумя каменными зубцами, стоял царь Иосиф.

Повелитель Хазарии был в белой одежде, крупными складками опускавшейся до самого пола, руки скрещены на груди, на пальцах разноцветными огоньками сверкали драгоценные камни перстней.

Звеня доспехами, карабкались по узкой лестнице дружинники и остановились тяжело дыша, за спиной Алка.

Преодолевая невольный трепет, Алк медленно двинулся к царю.

Но царь Иосиф вдруг шагнул назад, за зубцы башни, и беззвучно упал в пустоту. Громко закричали люди у подножия башни, и в этом крике не было слышно страшного удара упавшего с высоты тела...

Князь Святослав приказал до основания разрушить Саркел, чтобы и память об этом зловещем городе исчезла.

Отшумели почестные пиры. Полуведерная круговая чаша обошла войско, от князя до последнего погонщика верблюдов, и заняла свое место в сундуке виночерпия-кравчего. Общей была победа, общим был и пир.

Поднялся на донском берегу высокий курган, последнее прибежище павших в бою товарищей, и уже справили на нем тризну, которая, по обычаю, следовала за почестным пиром.

Под надежной охраной уплыли вверх по Дону ладьи с добычей похода. Можно было

возвращаться домой.

Но князь Святослав медлил, будто ожидал кого-то. И — дождался. Из Таврики, от византийцев, приехал гонец. Императорский вельможа Колакир извещал о своем намерении посетить Киев, чтобы поговорить с князем и старейшинами Руси о делах государственных, выгодных той и другой стороне.

Никто, кроме самого князя, не догадывался, какими будут эти дела.

Святослав вдруг заторопился, оставил с войском старого Свенельда и воевод пешей рати Асмуда и Воиста, а сам с ближней дружиной поехал в Киев прямо через Дикое Поле, пренебрегая опасностями этого пути. Дружинники вели в поводу запасных коней, чтобы не искать подмену в печенежских кочевьях. Хоть печенеги и считались союзниками, доверять им было безрассудно.

Никогда раньше, да и после тоже никогда, Алк не разговаривал так много с князем Святославом. Видимо князь нуждался в благодарном слушателе и нашел его в молодом вятиче. Далеко опередив дружину, князь Святослав и Алк ехали рядом, стремя в стремя.

Бесконечно огромная расстилалась вокруг степь и под стать ей были планы князя Святослава. Неизведанные дали раскрывались перед глазами Алка, в степных миражах чудились сказочные города, жесткая степная трава склонялась к ногам коней, как толпы побежденных врагов, а неутомимые кони несли и несли витязей в остроконечных шлемах вдогонку за закатным солнцем, которое будто указывало дальнейший путь князя Святослава — на Запад. И Алк был счастлив, чувствуя свое сопричастие к великим замыслам князя.

Хазарский поход, только что владевший всеми мыслями Святослава, отодвигался куда-то далеко-далеко. Хазария была лишь ступенькой на лестнице подлинного величия, по которой повел Святослав молодую, стремительно набирающую силы, Русь.

А как высока будет эта лестница?

— Русь крепко встала на краю моря, у Дона-руки, — возбужденно говорил князь Святослав. — Но у моря два края. Другой край моря на Дунае. Туда теперь лежит путь наших коней!

— Да сбудется все задуманное тобою, князь!

же! — шептал Алк. — Да сбудется!

15. ПОСЛЕДНЯЯ СТРЕЛА

Прошло шесть лет. Последняя черная стрела с родовыми знаками осталась в колчане Алка. Всякие стрелы были в обозе княжеского войска — и византийские, и болгарские, и арабские, и изделия киевских мастеров-умельцев, а таких стрел, как снаряжали в роде старого Смеда, больше ни у кого не было. Крепко берег вятич свои родовые стрелы и потому каждая выпущенная стрела оставалась, как зарубка в памяти.

Понадобилась черная стрела в первой стычке с болгарами на Дунае, было это в лето шесть тысяч четыреста семьдесят шестое[27]. Войско царя Петра стояло на берегу, а по Дунаю плыли ладьи князя Святослава. Не стал Святослав уклоняться от боя, хотя и не искал ссоры с болгарами. Русские ладьи врезались носами в песчаный берег, воины высаживались и тотчас выстраивались рядами, составляя из щитов непреодолимую стену. Царь Петр послал вперед боярскую конницу. Но нарядные всадники даже не доскакали до линии красных русских щитов и принялись за-

ворачивать коней. А через реку медленно плыли большие плоты с дружинной конницей. Алк со своей сотней раньше других выбрался на сушу и, объезжая русский и болгарский пехотный строй, вырвался к холмику, где в окружении бояр стоял царь Петр в красном плаще и высокой, вышитой золотом шапке. Возле него суетился горбоносый смуглый человек в шлеме с перьями. «Византиец!» — догадался Алк и потянул из колчана черную стрелу.

Царь Петр с ужасом оглянулся на рухнувшего советника и приказал трубить отступление. Но они опоздали, эти багроволицые, надменные царские трубачи, в нарядных кафтанах, с серебряными трубами. Бегство началось раньше, чем они поднесли трубы к губам. Нахлестывая коней, уносились прочь боярские дружины. Врассыпную бежали ополченцы, бросая копья в траву. Царские телохранители посадили своего правителя в крытую повозку, запряженную четверкой сильных коней, и умчались. А руссы, вложив мечи в ножны, вернулись к своим ладьям.

Князь Святослав сказал пленным:

— Идите по домам, рассказывайте всем, что воюю не с болгарами, которые суть тоже славянского корня, но с царем Петром и его недобрыми советниками!

Эти слова многое объясняют.

Восемьдесят крепостей построили римляне и византийцы на Дунае и в придунайских землях. И все восемьдесят крепостей взял князь Святослав за лето и осень 968 года, поражая врагов и союзников стремительностью переходов, яростью скоротечных приступов и... неожиданным милосердием!

Победное шествие по болгарской земле не сопровождалось грабежами и разорением городов. Обосновавшись в Переяславце, князь Святослав замирился с болгарами, чтобы продолжать совместную борьбу со злейшим врагом русских и болгар — Византийской империей. Но как раз это-то и не устраивало императора Никифора Фоку. Он подкупил печенежских князей, и степняки двинулись на Киев. Так был зажжен пожар за спиной князя Святослава, вынудивший его уйти из Болгарии и поспешить на помощь собственной столице.

Алк хорошо помнит эту весну 969 года.

Над степью летели стяги — багряные и голубые, туго вытянутые встречным ветром. Сотня за сотней, как полноводная река, катилась дружинная конница по теплой и влажной земле, легко и неслышно. Воины в остроконечных шлемах вели в поводу запасных коней. Размашистой рысью бежали вьючные лошади и трудно было разобрать, где кончается дружинный строй, а где начинаются обозы — и там и тут одинаково быстрыми были всадники и кони, только впереди на одного всадника приходилось два коня, а во вьючном обозе — десять. Сам по себе этот стремительный бросок через степи был подвигом, на который способно лишь закаленное в дальних походах войско.

Печенеги поспешно отошли от Киева, но этого князю Святославу было мало. Возмездие должно быть грозным и неотвратимым. Мертвая тишина должна воцариться в печенежских степях, пока он воет на Дунае!

Печенеги обычно мало опасались нападений. Их хранили от врагов немереные просторы Дикого Поля и быстрота бега неутоми-

мых, привычных к дальним переходам степных коней. У печенегов не было городов, а становища из легких войлочных юрт и крытых повозок в случае опасности рассеивались по степям, растворялись в балках и оврагах, в камышовых зарослях и дубравах по долинам рек, но эта война не была похожа на прежние...

Конница князя Святослава шла облавой, загоня печенежские кочевья в излучины рек, а на воде их поджидали ладьи с пешими воинами. Печенеги метались в железном кольце, но спасения не было — всюду их встречали копья и мечи. Долго потом в колючей траве белели кости и некому было насыпать над ними курганы, потому что печенеги даже близко боялись подойти к полям поражений. Многочисленные табуны и стада, главное богатство печенегов, медленно потекли к берегам Днепра, охраняемые русскими воинами. Печенежские князья посылали гонцов с просьбами о мире, клялись не нападать больше на русские земли. Казалось, война окончена, но Святослав долго еще посылал в степи конные отряды, отыскивая непоко-

рившихся. Одним из таких отрядов командовал сотник Алк.

На дне глубокого оврага неожиданной встретились два знакомца — Алк и печенежский князь Идар. Злобным торжеством заблестели глаза печенега: воинов у русского сотника было раза в три меньше. Но просвистела черная стрела, и князь Идар покатился по пыльной траве. Воины его кинулись врассыпную. Сотник Алк привез Святославу серебряный пояс Идара, и снова князь похвалил его:

— О свирепости сего печенега люди рассказывали. Лютого ворога ты завалил!

В следующем году князь Святослав был уже на Дунае. Византийцы окончательно были выброшены из Болгарии. Поражение стоило императору Никифору Фоке жизни: его убили в собственном дворце. Новым императором был объявлен Иоанн Цимисхий, опытный полководец, прославившийся победами в Малой Азии.

А между тем русские и болгарские дружины уже приблизились к границам империи. Но войти в Византию было нелегко, путь преграждали Гимеи[28]. Все дороги через них бы-

ли прикрыты византийскими копейщиками и лучниками. Ловкие и сильные лучники из стратиотских семей[29] поднимались на отвесные скалы, привязывали себя ремнями к кустам и стволам деревьев, чтобы сверху поражать стрелами вражеских вождей.

Алк ехал по ущелью рядом с князем Святославом. Впереди, над обрывом, чуть шевельнулись кусты. Алк насторожился, наложил на тетиву черную стрелу. Над кустом поднялся византиец с луком в руках. Но полет черной стрелы опередил его. Долго еще смотрели дружинники, проезжавшие мимо этого места, как раскачивается вниз головой византийский лучник — ремень, которым он привязался к кусту, не дал ему упасть вниз...

Князя Святослава не остановили горные теснины. Болгарские проводники показали руссам тропы, о которых не подозревали даже местные пастухи, и руссы неизменно оказывались позади византийских сторожевых застав. Окруженные врагами и горными кручами, византийцы бросали оружие или погибали в безнадежных схватках. Они даже не успевали отправить гонцов, чтобы предупре-

дить своих военачальников. Потоки русской и болгарской пехоты, дружинной конницы сразу во многих местах неожиданно ворвались в Фракию[30].

Под Аркадиополем, находившимся совсем недалеко от византийской столицы, двенадцатитысячное отборное войско опытного полководца Варды Склира попыталось задержать князя Святослава, но потерпело поражение.

Император Иоанн Цимисхий запросил мира. Вопреки ожиданиям переговоры с князем Святославом оказались непродолжительными и нетрудными. Император охотно согласился возместить военные расходы и выплатить дань. Смутило его только требование князя руссов: «До Болгарии вам дела нет!» От империи отпадали многолюдные и богатые земли, которые византийцы привыкли считать своими владениями. Но спорить не приходилось. Империи необходим был мир!

И мир был заключен. Князь Святослав увел свое грозное воинство обратно через Гимеи. Он не подозревал, что император подписал мир, чтобы подготовиться к новой войне!

В Византии шли лихорадочные военные приготовления, набирались новые полки, снаряжался огненосный флот. Значительно было увеличено войско катафрактов, блестящих всадников, с головы до ног закованных в броню; даже у коней были панцири и железные шлемы. Император создал двухтысячное войско «бессмертных», куда призывались самые сильные, опытные, храбрые воины.

Весной 971 года тридцатитысячное византийское войско густыми колоннами двинулось к Гимейским горам. Его возглавлял сам император Иоанн Цимисхий — в блестящих доспехах, на рослом коне, с длинным боевым копьём в руках. За императором стройными рядами ехали две тысячи «бессмертных».

Все благоприятствовало успеху похода. Разведчики, возвратившиеся с Гимеев, приносили обнадеживающие вести: горные дороги не заняты русскими и болгарскими заставами. Приехавшие из Болгарии купцы единодушно подтверждали, что князь Святослав не ожидает войны, живет в Доростоле, на Дунае, а его воины стоят гарнизонами в разных городах. Император Иоанн Цимисхий подумал,

что руссы совершают непоправимую ошибку. Разве можно рассредоточивать войско?

Стремительный бросок через Гимейские горы подтвердил громкую славу полководца Цимисхия. Преодолев перевалы, ущелья и бесшумные горные потоки, византийское войско благополучно вышло на северные склоны Гимеев. Впереди лежала Болгария...

Алк впервые за последние годы оказался далеко от князя Святослава. Воеводе Сфенкелу и ему было приказано стоять с дружиной в городе Преславе, древней столице Болгарии, и охранять нового болгарского царя Бориса. Так попросил сам царь, не надеясь на благорасположение своих поданных.

Площадка сторожевой башни была просторной и ровной. Старые каменные плиты отполированы до зеркального блеска. Несколько столетий сменялась здесь стража. Ходили по площадке римские легионеры в тяжелых сандалях, подкованных медными гвоздями. Тогда у северных отрогов Гимейских гор еще не было большого города, и сторожевая башня стояла одиноко и угрожающе, как символ чужой, подавляющей силы. Шаркали

по вечным каменным плитам мягкие, без каблуков, сапоги скифов — жителей степей. Звенели шпорами наемники-варяги. А потом покой Преслава оберегала болгарская стража. Ныне же рядом с болгарскими воинами стояли русские дружинники. В то памятное утро 12 апреля 971 года поднялся на башню и воевода руссов Алк, хотя ему вовсе не обязательно было быть здесь. Однако неясная тревога, предчувствие беды заставили Алка покинуть затемно уютную ложницу в царском дворце, еще раз обойти стены.

Утро было тихим и прохладным. Над полями и виноградниками медленно поднималось солнце. Недалекие горы дышали влажным холодом. Из ущелий клубами белесого дыма выползали на равнину туманы.

Рассветная тишина неожиданно взорвалась ревом боевых труб, оглушительным медным звоном литавр и кимвалов. Из тумана выходили колонны византийского войска, разворачивались боевым строем на равнине, зеленевшей первыми весенними всходами. Косые лучи солнца праздничным блеском отразились в железе доспехов. Гордо развева-

лось бело-голубое знамя «бессмертных», выдавая присутствие в войске самого императора.

Дружинник на башне затрубил в рог. По-разному откликнулись люди в Преславе на этот тревожный призыв.

Воевода Сфенкел снял со стены меч в простых ножнах, который брал с собой только в большие битвы. А в том, что битва будет, воевода не сомневался. Не к лицу руссам отсиживаться в крепости, князь Святослав говорил, что за стенами прячутся только трусы, а сильные и мужественные сами выходят в поле, навстречу опасности, ибо только решительное сражение может принести победу...

Царь Борис по потайному ходу поспешно покинул свой дворец и укрылся в небольшом доме среди садов — решил подождать, чем закончится сражение. Борис надеялся, что царский титул защитит его при любом исходе...

Русские и болгарские дружинники, составляющие гарнизон Преслава, вооружались и бежали на площадь к царскому дворцу, где воевода Сфенкел установил место общего сбора.

Зажиточные горожане зарывали в землю монеты, прятали в тайники товары и дорогую утварь. Так поступали даже те, к кому прокрадывались по ночам византийские лазутчики. Обычаи императорских вояк были хорошо известны: сначала отнимут все добро, а потом начнут разбираться, кто им враг, а кто — скрытый друг...

Городские ополченцы столпились у амбаров, где в мирное время хранилось их оружие. Царь Борис мог нравиться или не нравиться, к предводителю руссов Сфенкелу можно было относиться дружелюбно или подозрительно, но оборонять свои дома были готовы все. От византийцев жители Преслава не ждали ничего хорошего...

Разобравшись по десяткам и сотням, воины пошли к городским воротам. Руссы и болгары шли на битву в одном строю, и трудно было различить, кто пришел с великой реки руссов Днепра, а кто влился в войско здесь, в Болгарии. С роковой минуты, когда рог дружинника возвестил о боде, прошло совсем немного времени. Медлительное императорское войско еще не успело приблизиться к

стенам Преслава.

Когда император Цимисхий увидел руссов, выходящих из ворот, он был удивлен и озадачен. Согласно всем правилам войны неприятель, оказавшийся в численном меньшинстве и к тому же застигнутый врасплох, должен отсиживаться за крепостными стенами, пока не подойдут подкрепления...

Замешательство императора длилось недолго, но руссы успели построиться для сражения. Перед византийцами стоял сомкнутый строй тяжеловооруженной пехоты, силу такого строя византийцы знали по прежним сражениям. Однако руссов было не очень много, и император Цимисхий был уверен в успехе.

Алку впервые довелось наблюдать за сражением, как бы со стороны. Воевода Сфенкел строго-настрого запретил ему выходить в поле. Дело Алка и его людей — отстоять ворота, не дать византийцам ворваться в город на плечах отступающих русских воинов, если сражение в поле обернется не в их пользу. Алк понимал важность этого дела и смирился.

Византийское войско приближалось. По сигналам своих военачальников пешие стратиоты расступились, пропуская вперед конницу катафрактов. Волны закованных в железо всадников накатывались на русский строй и отступали. Русские стояли непоколебимо.

Тогда император Цимисхий двинул свою пехоту. Две фаланги[31], византийская и русская, сошлись врукопашную. Под страшным напором русский строй качнулся, но тут же выпрямился, отбросив поредевшие ряды стратиотов. Атака не удалась.

Снова на равнину, усеянную телами павших, вынеслась конница катафрактов. Русские стояли, прикрываясь своими большими щитами. Заканчивался второй час битвы.

«Сколько может длиться кровопролитие? — раздраженно думал Цимисхий. Не для того я преодолел опасные Гимеи, чтобы положить половину войска в первом же сражении!»

И император двинул вперед своих «бессмертных».

Две тысячи отборных всадников, закованных в броню, гордых доверием императора и

жаждавших отличиться, смяли левое крыло руссов. Одновременно легкая конница, привыкшая к стремительным рейдам в тыл неприятеля, отрезала руссам путь к отступлению. Император ждал замешательства и беспорядочного бегства, обычных для окруженного войска, когда пехотинцы, преследуемые конницей, обречены на полное уничтожение. Однако руссы не позволили расстроить свои ряды. Воодушевила ли их властная воля полководца, или сами они умели отходить, не нарушая строя, но ожидаемого бегства не получилось. Катафракты скорее провожали руссов как почетная стража, чем преследовали их. Цепи, легковооруженных всадников, пытавшихся отрезать руссов от города, были разорваны мгновенно. Руссы втянулись в Преслав и крепко заперли за собой ворота.

Алк облегченно вздохнул, когда с лязгом закрылись воротные засовы. Помощь его воинов не потребовалась: византийцы не осмелились приступить к воротной башне, а немногих смельчаков, подскочивших к стене, отогнали лучники.

Ночью Сфенкел и Алк обошли городские

стены. Воины были бодры и готовы защищать город. Никто не воспринял вчерашнее отступление как поражение. Потери оказались тяжелыми, но боевой дух защитников Преслава не был подорван. И это было главное...

Византийцы подвезли к стенам тяжелые метательные орудия. С грохотом и скрипом взметнулись рычаги. Каменные глыбы и горшки с горючей смесью, медленно поворачиваясь на лету, обрушивались на город. Опрокидывались и рассыпались щебнем каменные зубцы стены. Потоки горячей жидкости поползли по крышам домов. Сразу во многих местах города вспыхнули пожары. Клубы черного дыма закрыли солнце.

Казалось все сметено с гребня стены этим каменным смерчем. Но город не сдавался. Бойницы извергали стрелы и дротики, на головы приступавших врагов падали со стены камни и бревна. Много стратиотов нашли смерть у ее подножия, а забравшихся наверх храбрецов встречали копья и мечи дружинников. Приступ был отбит.

Снова металы камни и греческий огонь

смертоносные орудия. Стратиоты и спешенные катафракты добежали до стены, карабкались по штурмовым лестницам и откатывались, уstraшенные потерями. Так продолжалось до темноты. Преслав держался.

Воевода Сфенкел собрал предводителей дружины и городского ополчения на совет. Невеселыми были речи военачальников. От обстрела погибло больше воинов, чем во время полевого сражения. Еще несколько таких дней и город просто некому будет защищать. Но слабодушных не было. Следом за воеводой Сфенкелом Алк повторил как клятву слова князя Святослав: «Да не посрамим земли Русской, но ляжем костьми! Мертвые сраму не имут!»

И вот наступило 14 апреля, последний день обороны Преслава. Заработали осадные орудия. Стратиоты полезли на оголившиеся стены. И таким великим представился самим византийцам подвиг воина, первым ворвавшегося в город, что исторические сочинения сохранили его имя — Феодосий Месоникт, родом из восточных провинций империи.

Но авторы византийских исторических со-

чинений умолчали, что схватка была выиграна не доблестью воинов императора Цимисхия, а метательными орудиями: каменные глыбы сломали живую человеческую плоть...

Стратиоты колоннами вливались в улицы, сметая немногочисленные заставы руссов и болгар. За пехотой в конном строю спешили катафракты. Воинов не нужно было больше подгонять, все рвались вперед, ибо знали львиная доля добычи достанется тому, кто войдет первым.

Но сражение за Преслав еще не закончилось. Сфенкел и Алк с немногими уцелевшими дружинниками укрылись в царском дворце, обнесенном невысокой, но достаточно крепкой каменной стеной; во дворец вели единственные ворота. Сотни полторы тратиотов сгоряча ворвались через них на дворцовый двор, но были мгновенно перебиты. Та же участь постигла и катафрактов, осмелившихся въехать в ворота в конном строю.

Опытный Цимисхий мгновенно оценил губительность боя в тесных лабиринтах дворца и приказал выкурить руссов огнем. На дворец полетели пылающие факелы, сосуды с грече-

ским огнем, комки смрадного дымившегося войлока. Пламя охватило дворцовые постройки. Стратиоты за воротами уже подняли копья, чтобы во всеоружии встретить спасающихся от огня руссов...

Воевода Сфенкел обнял Алка и прошептал:

— Если боги помогут тебе спастись, расскажи князю Святославу: бились мы крепко!

— И ты расскажи... — только и нашел что сказать Алк.

Из подворотки, щурясь от едкого дыма, Алк пустил последнюю черную стрелу в какого-то начальника стратиотов и отбросил бесполезный лук.

С мечами в руках русские дружинники и болгарские ополченцы, оказавшиеся во дворце, бросились на византийские копья. Они совершили невозможное: горстка смельчаков прорвалась через железное кольцо и ушла из города. Стратиоты преследовали их, но не сумели настигнуть. Сады и виноградники, которыми изобиловали окрестности болгарской столицы, укрыли беглецов. Был ли среди уцелевших русских дружинников Алк — неизвестно...

Примечания

пергамент — тонкая выделанная кожа, которая использовалась в древности вместо бумаги

[^^^]

2

гепард, охотничий зверь, который славится
быстротой и бесстрашием

[^^^]

964 по современному летоисчислению

[^^^]

4

Перун — древнерусский бог грома и молнии, главный из языческих богов

[^^^]

Волжская Болгария — государство на Средней Волге, существовавшее в X — первой половине XIII вв.

[^^^]

6

тур — древний бык с длинными, загнутыми вперед рогами; из рогов тура изготовляли дальнобойные воинские луки

[^^^]

гривна — шейный обруч из серебра, служивший украшением; гривнами называли в Древней Руси также слитки серебра, заменявшие деньги

[^^^]

вира — штраф за убийство, который платили серебряными гривнами; если убийцу не находили, то община, на земле которой произошло убийство, сообща платила князю дикую виру

[^^^]

перестрел — древнерусская мера длины, равная полету стрелы (примерно 100 шагов)

[^^^]

10

от дыма — то есть от каждого двора, где был очаг

[^^^]

закатная сторона — запад

[^^^]

12

побратим — названный брат

[^^^]

полуденная сторона — юг

[^^^]

тадун — сборщик дани

[^^^]

земля варягов — Скандинавия

[^^^]

Студеное море — Северный Ледовитый океан

[^^^]

Царьград (Константинополь) — столица Византийской империи

[^^^]

кормчий — рулевой у кормового весла, старший на судне

[^^^]

кара-хазары — черные хазары

[^^^]

тризна — поминальный пир

[^^^]

аргамак — старинное название породистых верховых лошадей, которых разводили в Средней Азии и на Кавказе

[^^^]

Суружское море — Азовское море

[^^^]

Босфор Киммерийский — Керченский пролив

[^^^]

фема — провинция Византийской империи

[^^^]

Таврика — Крым

[^^^]

катапульта — механизм, предназначенный для метания камней или горшков с горючей смесью в осажденную крепость

[^^^]

968 год

[^^^]

Гимеи Родопские — горы на границе Болгарии и Греции

[^^^]

стратиоты — наследственные византийские воины, получившие за военную службу земельные владения; из них формировалось войско катафрактов — тяжеловооруженных всадников

[^^^]

Фракия — область в восточной части Балканского полуострова между Черным, Эгейским и Мраморным морями

[^^^]

фаланга — глубокий пехотный строй, состоящий из многих рядов воинов

[^^^]